

МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ? (СБОРНИК)

Михаил Армалинский

Что может быть лучше? (сборник)

«ИП Михайлов»

2012

Армалинский М.

Что может быть лучше? (сборник) / М. Армалинский — «ИП Михайлов», 2012

В авторский том Михаила Армалинского «Что может быть лучше?» вошли рассказы и эссе, написанные с 1999 по 2010 годы и впервые опубликованные в его интернетовском Литературном журнальце «General Erotic». Основная тема в творчестве Армалинского – всестороннее художественное изучение сексуальных отношений людей. Неустанно, в течение почти полувека, вне литературных школ, не будучи ничьим последователем и не породив учеников, продвигает он в сознание читателей свою тему, свои взгляды, свои убеждения, имеющие для него силу заповедей.

© Армалинский М., 2012

© ИП Михайлов, 2012

Содержание

Фантазмы	6
Млечный путь женщин	6
Любимое дело	14
Поэтические предпочтения	19
Любимый вальс	25
Напрасные дары	31
Вытекающие последствия	33
Посредница	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Армалинский
Что может быть лучше?
Измышления и фантазмы 1999–2010

© Михаил Армалинский. 2012.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Фантазмы

Млечный путь женщин

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 1999. № 8. Оглавление и все номера *General Erotic* см.: <http://www.mipco.com/win/GEr.html>

На одной из самых крупных молочных ферм в два дня умерли все коровы от неизвестной болезни. В течение следующего месяца неуловимый летучий вирус уничтожил практически всех коров в стране и лишил людей молока, сыра и прочих бесщётных молочных продуктов, без которых людской рацион стал ужасающе непривычным. Непривычность быстро сменилась болезненностью, так как оказалось, что многим людям молочные продукты просто необходимы.

Джордж Сток, успешный предприниматель, заболел то ли из-за отсутствия молока, то ли из-за шока, что его вложения в молочные фермы были потеряны. В то время его жена Марго родила их второго ребёнка, и Джордж, лёжа в гостиной на диване, наблюдал за женой, кормившей его трёхмесячного наследника.

– Вот какой упрямый, – дивилась Марго характеру сосунка, – только из левой груди сосёт, а правую отпихивает. А у меня в ней столько молока скопилось. Придётся сцеживать.

– У тебя наверно, левый сосок больше и легче пропускает молоко, вот Джони и не хочет напрасно напрягаться и сосать правый.

– А ты как себя чувствуешь, милый? – спросила Марго мужа, у которого был жар.

– Неважно. Я так хочу молока, или сыра, или хоть чего-нибудь молочного, что мне кажется, выпей я стакан молока, то сразу бы и выздоровел.

– Бедненький, будь ты моим сыночком, я бы тебе помогла.

– Послушай, а это идея, – оживился Джордж, – дай-ка я попробую пососать твою правую грудь, да и тебе легче станет.

Он поднялся с дивана, подошёл к сидящей в кресле жене, встал перед ней на колени и присосался к груди. Теперь он сосал не только как мужчина, ласкающий женщину, но и как голодный младенец. Их сын продолжал своё дело у левой груди, покашивая глазки на отца.

Джордж успешно высасывал струйки сладенького молока. Он любил подслащать сахаром или вареньем коровье молоко, поэтому сладость молока жены его лишь радовала. Он сосал, жена прижимала его голову к себе, и живительная влага придавала ему сил, но голова чуть кружилась от жара, и Джорджу вспоминалось что-то очень раннее в жизни: мать, грудь, запах молока.

В тот день Джордж сосал грудь жены ещё три раза и на следующее утро почувствовал себя совершенно здоровым. Он приписал своё выздоровление исключительно молоку жены. Кроме того, сосание молока из её груди сблизило его с женой ещё плотнее. Нечто отчётливо материнско-сыновье прибавилось к ощущениям, привычным для мужа и жены.

Но что оказалось не менее важным, предпринимательская жилка Джорджа задрожала от новых идей. Газеты, телевидение наполнились сообщениями о страданиях и болезнях, которые испытывали люди из-за отсутствия молочных продуктов. Жизнь без коровьего молока оказалась большинству не под силу. Козье молоко достать было практически невозможно, поскольку его производство было весьма малым по сравнению с коровьим. Кумыс был слишком чужд для жителей его страны – о существовании кобыльего молока знали лишь из книжек. А тут под боком естественное, уже налаженное и повсеместное производство молока у любой родившей женщины. В голове Джорджа уже громоздились грандиозные деловые планы.

Казалось бы надёжно забытые события, сведения, информация всплывали в голове Джорджа и выстраивались в поддержку охватившей его идеи молочного спасения человечества естественным способом, избегая зависимости от животных. Весьма далёкий от проблем искусства, он вдруг ясно вспомнил лекцию, на которую он с год назад повёл своего старшего сына. Им показывали слайды картин знаменитых европейских художников, и среди них была картина Рубенса «Отцелюбие римлянки». Римлянин Кимон, заключённый в тюрьму, был обречён на голодную смерть. А его дочь Перо, навещая отца, тайно от стражи кормила его грудью и тем его спасла.

Не велик подвиг, подумал тогда Джордж, кормить грудью: ребёнка ли, мужа ли, отца. Неужели картину восторженно назвали бы «Чадолюбие римлянки», если бы на ней она кормила грудью младенца? Вот если бы она отрезала грудь, чтобы скормить мясо отцу, вот это была бы жертва! А так никакой жертвы – сплошное удовольствие. Тем более что отец на картине был изображён мускулистым мужчиной средних лет.

Джордж дивился оживающим воспоминаниям о когда-то прочитанном и услышанном. Так было всегда, когда он концентрировался на одной идее – память начинала поставлять ему информацию, которая до этого момента надёжно хранилась неосознанной.

Молозиво – белая грудная жидкость, появляющаяся перед самыми родами и первые дни после, считалась издавна афродизиаком и представляла особый деликатес для осведомлённых мужчин. В даосизме эта жидкость называлась «белым снегом», причём она появляется даже у бездетной женщины. Но скудное молозиво следует превращать в обильное молоко – «персиковый сок бессмертия», как его называли китайцы.

Джорджу пришла в голову мысль, которая ошеломила его своей очевидностью, столь тщательно сокрытой общественными нормами морали. Если младенцу так необходимо женское молоко, то почему в каком-то возрасте происходит переключение на молоко коровье? Ведь в течение всей своей жизни человек питается молоком – с какой стати вдруг происходит подмена лучшего на худшее? Почему, подрастая, ребёнок не продолжает питаться женским молоком? Пусть не материнским, пусть не из соска, но от кормилицы, или бутылочным, но женским. Раньше были чисто технические трудности в налаживании массового производства женского молока, теперь необходимость вынуждала вернуться к истинному, кардинальному решению молочной проблемы.

«Млечный Путь» – так решил назвать своё молочное предприятие Джордж.

Джордж рассказал о своей идее жене, которая всегда была в курсе его дел и часто давала ему полезные советы. Она спросила его:

– Хочешь, чтобы я поучаствовала далее в этом эксперименте? Ты, как всякий настоящий экспериментатор, успешно испробовал эту идею на себе. Но женщина – это главный компонент твоего замысла, так что и я должна испытать эту идею в полной мере. Ведь если моё молоко так подействовало на тебя, вовсе не обязательно, что оно так же благотворно подействует на других.

Джордж понимал, что необходимо проверить эту идею со всех сторон. Для представительности эксперимента они решили, что в нём должны принять участие минимум трое: старый человек, молодой мужчина и женщина. Для того, чтобы эксперимент прошёл гладко, по крайней мере со стороны сосущих, они выбрали людей, особо тяжело страдающих: от отсутствия молока. Это не составило труда, поскольку таких людей было много, и с каждым днём их число увеличивалось. Оказалось вполне достаточным сказать этим заболевшим людям, что единственным спасением для них является женское молоко, как они сразу согласились его пить. Когда же им пояснили, что молоко придётся сосать из груди, чтобы эффект от этого лекарства был максимальный, мужчины удивились больше всего, но сильное недомогание резко ослабило их первое сопротивление, а когда они увидели юную и красивую Марго, которая вытаскила свои полные груди, то возможность вылечиться таким способом сразу показалась им вполне реаль-

ной. Женщина-пациент не удивилась вовсе, чутьём она поняла правильность такого метода лечения и, едва Марго села к ней на кровать, сразу жадно присосалась к её груди.

После первых пробных сосательных движений срабатывал младенческий инстинкт, и сосание шло у всех автоматически. Наилучшие результаты были со стариком, то ли оттого, что он впал в детство, то ли оттого, что у него не было зубов и они не мешали, как это было с молодыми, зубастыми. Эффект выздоровления был быстрый и разительный. В женском молоке явно и с лихвой содержались какие-то необходимые вещества, которых перестало хватать человеческому организму, когда он лишился молока коровьего. Оказалось, что человеку необходимо выпивать лишь стакан женского молока раз в три дня, чтобы его здоровье оставалось в норме.

За этим экспериментом последовали другие и не менее успешные – с различными женщинами, – а затем Джордж развернул свою деятельность в полном масштабе.

Джордж разместил объявления, что ищет кормящих матерей, желающих: заработать хорошие деньги. Откликнулось немало желающих:, и он предложил им кормить грудью тяжелобольных. Два аргумента: благородство задачи и щедрая оплата – помогли женщинам легко избавиться от стыда, что, впрочем, и раньше им вполне удавалось даже при наличии одного лишь последнего условия.

Успех с выздоровлением больных был сразу разнесён по стране всеми средствами массовой информации, и количество женщин, желающих стать кормилицами, росло день ото дня. Рука Джорджа их только «направляла, строила в ряды». Он арендовал здания, которые оборудовал под центры кормления грудью. Также он снова запустил в работу заброшенные молочные фабрики, так как большинство оборудования, которое использовалось для обработки коровьего молока, вполне подходило и для работы с женским.

После того, как стали очевидны целебные свойства женского молока, предрассудки, безгласность постепенно исчезли и основная масса населения ринулась его потреблять.

Прежде многие мужчины испытывали отвращение к женскому молоку, тогда как коровье они пили с удовольствием или, во всяком случае, без отвращения. Это противоречие было сродни безгласности мужчин к женским вагинальным выделениям при одновременном сильнейшем стремлении заполнить членом влагалище, а также отвращению к содержимому прямой кишки при любви многих к анальному сексу. Так и здесь: при своей безгласности к женскому молоку, большинство мужчин предпочитало брать в любовницы женщин с большими грудями. Но большие груди – это символ обилия в них молока, и таким образом мужчины возбуждались от символа и отвращались от символизируемого объекта. Однако необходимость молока для выживания быстро сняла это противоречие.

Следующей задачей было сделать женское молоко доступным для каждого, а не только для больных, причём за цену, сравнимую с ценой коровьего.

Попутно стали проводиться медицинские исследования качества женского молока, которое оказалось намного полезнее и целебнее коровьего. Оно так повышало сопротивляемость иммунной системы людей, пьющих его, что большинство болезней стало сходиться на нет. Целебный эффект был наиболее сильным от парного молока. Если раньше люди съезжались к целебным водным источникам, то теперь люди съезжались на женские фермы, где они могли приникнуть к целительным соскам. Подобно младенцам, которые, как правило, не болеют, пока мать кормит их грудью, взрослые, присасываясь к женской молочной груди, обретали небывалую стойкость к болезням.

Очевидно, что целебные свойства молока отличались у разных женщин. Поэтому стали возникать легенды и слухи о суперцелебных качествах молока у той или иной кормилицы, и люди устремлялись к ней. Молоко такой женщины резко повышалось в цене, и она быстро богатели. Учёные старательно развеивали подобные слухи, чтобы не возникало ажиотажа. Они регулярно брали пробы молока у всех женщин, и данные по жирности, химическому и про-

чему составу появлялись на специальном мониторе, установленном над рабочим местом каждой профессиональной кормилицы.

Само собой разумеется, что часть денег от любого кормления поступала Джорджу, и его богатство становилось фантастическим.

В результате развития женско-молочной промышленности установилось три формы потребления женского молока: из груди сосанием, питиём парного, которое стали ласково звать «парнухой», и консервированного. Сосание из груди было самым эффективным, хотя, казалось бы, только что сцеженное, ещё тёплое молоко должно было производить тот же эффект. Но тут вступало в силу влияние контакта с грудью: сосательный рефлекс, животворно вспоминавшийся из детства, ощущение горячей женско-материнской плоти, нежность и нужность процесса – всё это давало дополнительный позитивный психологический заряд. Сосущие сосуществовали в более прочном мире и в более крепкой дружбе.

Естественно, что в первую очередь женщинам подносились их собственные младенцы, а затем – чужие. Ерудным детям, если им не хватало материнского молока, груди предоставлялись бесплатно и без всяких ограничений.

Для экономии времени женщина кормила двух людей сразу. Она полулежала на специально сконструированной высокой кровати, а к ней с каждой стороны подсаживались сосуны. Сиденья располагались ниже уровня кровати так, что грудь оказывалась на уровне рта сосущих.

Молочные женщины на фермах доились по пять раз в день – среди них были стационарные, постоянно живущие на ферме, а были и приходящие: подоятся и уходят домой. Некоторые женщины приходили лишь время от времени, чтобы сдать молоко и подзаработать.

Неудивительно, что кормящие женщины вскоре стали самыми популярными и чтимыми в обществе, а карьера кормилицы – наиболее желанной для женщин. Она обеспечивала беззаботную жизнь, наполненную наслаждениями, а также гордостью за общественно полезную деятельность – это вполне устраивало женщин, лишённых интеллектуального честолюбия, а таковых было, по счастью, большинство.

Однако оставались женщины, которые не хотели посвящать свою жизнь производству молока и кормлению, они делали карьеру в науке, искусстве и кормили только собственных детей, если те у них были. Таких не кормящих женщин стали называть «мясными», в отличие от кормящих – «молочных».

Очевидно, что кормилицы и сами нуждались в молоке, и не только для поддержания собственного здоровья, а также для усиления работы своих молочных желёз.

Женщинам-кормилицам давали специальную еду и лекарства, которые стимулировали производство молока. Кроме того, им необходимо было потреблять много жидкости, и поэтому они почти постоянно что-либо пили, подобно тому, как коровы – жевали. Над рабочим местом кормилицы располагалось с десяток трубочек, из которых можно было пить всё: от прохладительных напитков и соков до пива и вина. Крепкие напитки были запрещены, потому что произошло несколько несчастных случаев, когда взрослые сосуны, напившись молока с высоким содержанием алкоголя, возвращаясь с ферм, попадали в автомобильные аварии.

В перерывах между кормлениями женщины получали необходимую дозу молока друг у друга, чтобы производство молока не прекращалось.

Некоторые из них пытались пить собственное молоко, но оно не влияло так благотворно, как чужое. Поэтому кормилицы объединялись в группы и подкармливали друг друга.

Чтобы сэкономить время, кормилицы создавали «кольца»: пока одна сосала грудь у другой, третья сосала грудь у первой и т. д. Часто не обходилось без сексуальных контактов, но они вовсе не были обязательными, хотя свободно допускались.

Соски у постоянно кормящих женщин становились такими длинными и утолщёнными, что для них приходилось делать специальные лифчики с мешочком на месте соска, чтобы ему было куда деться, особенно во время эрекции. У молочных женщин сосок в состоянии эрек-

пии становился таким большим, что некоторые использовали его в качестве мужского члена в интимных отношениях с подругами-кормилицами. Женщина, в которую вставлялся такой сосок, давала знак, и женщина, владелица соска-члена, нажимала на грудь, чтобы из соска изверглась струя молока, которая хотя и не оплодотворяла, но давала радостное ощущение наполняемости спермой.

Необходимость пить молоко другой женщины для поддержания производства собственного, сблизил многих женщин, раскрепостила их тягу друг к другу. Конечно, не все женщины предпочитали сосать друг у друга грудь. Некоторые пили молоко с отвращением, но всё-таки пили, если хотели продлить свою способность кормить молоком своих детей, мужей, любовников, родственников. Часть женщин потребляла консервированное женское молоко. Однако профессиональные молочные женщины не ведали отвращения и пили, сосали своих подруг, как спортсмен пьёт специальные напитки, необходимые для повышения уровня его энергии и достижения лучших результатов на соревнованиях.

Многие профессиональные кормилицы испытывали череду оргазмов при кормлении, и потому весь рабочий день они проводили в наслаждении. Они и впрямь превращались в подобие коров: с мутными глазами, малоподвижные, мычащие в момент наступления оргазма. Кормилицы смотрели поверх голов сосущих, и, казалось, им было безразлично, кто сосёт, мужчина ли, женщина ли, лишь бы сосали долго и не останавливаясь.

Кормление грудью стало использоваться как самое безопасное противозачаточное средство. Так как доступ к этому средству женщина получала только через деторождение, то у неё был стимул родить хотя бы раз, чтобы обрести способность к лактации и, следовательно, к стерильности.

Наступила пора, когда большинство женщин наконец вышло из экономической зависимости от мужчин и могло содержать себя без всякого труда. Конечно, при условии, что у них было достаточно молока. Поскольку большинство женщин стало кормилицами, так называемые «мясные» женщины легко и без конкуренции находили возможность применить свои интеллектуальные таланты и тоже приобрели полную экономическую независимость.

Вследствие постоянного кормления, размер груди у большинства женщин резко вырос. Многие не могли передвигаться без специального корсета, потому что спина их не выдерживала тяжести грудей.

Как всегда, нашлись противники новой жизни, а именно: женских молочных ферм и самого женского молока. Эти люди, называвшие себя Коровниками, выступали за воспроизводство коровьих стад из оставшихся считанных экземпляров после эпидемии. Такую позицию им позволила занять их редкая конституция организма, который прекрасно справлялся с полным отсутствием любого молока. По извечной схеме всех фанатиков Коровники предпочитали болезни и гибель остальных людей, аморальной, по их пониманию, жизни. Они утверждали, что потребление женского молока является формой каннибализма, поскольку поедается часть женщины. Молоко, не будучи высосанным или сцеженным, перегорает, то есть остаётся в женщине – оно вовсе не испражнения, которые необходимо выводить. В этом смысле молоко (как и кровь) является частью организма женщины. Иными словами, женское молоко может остаться в теле женщины и рассосаться и таким образом продолжать быть его частью. Коровники также возражали против кормления младенцев материнским молоком и настаивали на том, чтобы их кормили искусственной молочной смесью.

Следует признать, что простота для индивидуума и в то же время трудность для общества в возникшей необходимости сосания женской груди состояли в том, что грудь является эrogenной зоной. Желание женщины кормить грудью стимулируется удовольствием, которое она получает от сосания. Оно подобно наслаждению, возникающему при сосании в процессе сексуальных ласк груди, в которой может и не быть молока. Старое выражение «Дитя, сосущее грудь, лукаво» как раз и намекает на присутствие наслаждения при кормлении. Всё бы

и прекрасно: стимулом для кормления ребёнка является наслаждение, испытываемое кормящей, – что можно придумать умнее? Но христианство, да и всякое другое массовое умопомрачение, ополчающееся против наслаждения, прежде всего требует прятать грудь, считая её постыдной. А значит, и кормление грудью должно быть также постыдным и скрываться от глаз общественности – однако такой подход стал невозможен при повсеместном потреблении женского молока.

Сексуальный характер кормления делал прекрасным этот процесс не только для кормилиц и для сосущих. Он стал приемлемым и для всего общества, так как это удовольствие связалось с необходимостью выживания. Подобно тому, как и необходимость размножения делала совокупление допустимым для христианства, но не в той мере, чтобы перестать против него отчаянно бороться.

Потерпев поражение в попытках запретить кормление грудью, Коровники пошли кружным путём: они активно спонсировали научные разработки по искусственному разведению коров. Но рождались коровы, давали молоко, а люди, отвыкнув от него, присосались к женщинам, и становилось просто коммерчески невыгодно заниматься молочным скотоводством.

Вместе с тем рост количества молочных женщин обернулся опасной для людей стороной. Оттого что множество женщин стали кормилицами, рождаемость резко упала из-за стерильности многих женщин в период кормления. Женщины рождали по одному ребёнку, чтобы запустить процесс производства молока в своём организме, а потом беспрерывно кормили грудью.

Но если женщины только сцеживали молоко и никому не давали сосать, то выделение молока у них прекращалось. Поэтому те женщины, которые избирали карьеру кормилицы, молоко сцеживали лишь понемножку и в основном давали сосать грудь, а это было неэффективно с точки зрения массового производства молока. Вот почему вскоре изобрели автодоилки, которые точно воспроизводили людские сосательные движения. Для женщин, что не хотели иметь контакта с живыми потребителями, это решение было идеальным. Они поселялись на фермах, заключая контракты на определённые сроки, и там ежедневно по нескольку раз в день их доили с помощью автодоилок. Женщины располагались на кроватях и блаженствовали. Большинству женщин автодоилки давали гораздо больше наслаждения, чем сосущие люди, – у доилок не было зубов, которые могли укусить, или грубых движений, приносящих боль. Предпочтение автодоилок перекликалось у женщин с их любовью к вибраторам. Более того, по просьбе женщин им выдавались вибраторы, которые многие любили использовать одновременно с работающими автодоилками.

Многие мужчины, получая свой молочный рацион, пытались «убить двух зайцев»: пососать молока и одновременно утолить свои сексуальные желания с кормилицей. Поэтому проституция стала маскироваться под рекламой кормилиц, открыто предлагающих свои груди, а в действительности не только груди. Более того, появилось множество фальшивой рекламы кормилиц, которые были вовсе не «молочными», а «мясными» проститутками и лишь привлекали клиентов своими грудями.

Возникла категория мужчин, которые свихивались на женском молоке. У тех, что сосали молоко и одновременно совокуплялись с кормилицей, образовалась прочная психологическая связь между едой и сексом. То, что и раньше существовало в туманных, малоосознанных формах, стало ясной и неизбежной фиксацией. Еда и половая жизнь для многих мужчин стали неразделимы, и, если одно происходило без другого, возникали болезненные реакции. Были мужчины, которые, совокупляясь с «мясными» женщинами, требовательно прокусывали их груди в поиске желанного молока. Но, так как молока у них: не было, мужчинам приходилось довольствоваться кровью.

Образовалась также категория гурманов, которые предпочитали молоко той или иной женщины или определённого типа женщин. Стала устанавливаться мода на разных кормилиц, так как начинали ходить слухи о специфическом вкусе их молока. Дегустации молока превра-

тились в повод для праздника, во время которого выбиралась «кормилица года», и ей поклонялись, как богине. Чтобы добраться до её сосков, требовалось иметь большие деньги и столь же большие связи.

В каждой семье возникала конкуренция с внешним рынком. Женщина рожала ребёнка и пыталась прокормить молоком всю семью. Однако это удавалось далеко не всякой, да и члены её семьи, особенно мужчины, предпочитали присасываться к чужим женщинам. Молоко одной и той же женщины быстро надоедало – даже во вкусе молока мужчины искали разнообразия.

Находилось немало женщин, которые предпочитали тайно прикармливать чужих; и когда на членов её семьи вдруг переставало хватать молока – разражался скандал с обвинениями в измене. Хотя недостаток молока мог случаться и по другой причине, первые возникали именно ревнивые подозрения, поэтому каждая молочная женщина делала всё возможное, чтобы увеличивать производство своего молока.

В силу того, что мужское половое влечение основано на стремлении к противоположному тому, что имеешь, в обществе возникла мода на женщин с крохотными грудями, среди которых преобладали «мясные» женщины.

Значительное количество мужчин пресытились повсеместными кормилицами, брызгающими им в лицо молоком в качестве заигрывания. Они увлекались «мясными» женщинами, в которых их привлекало отсутствие молока и маленькие груди. Однако «мясные» женщины всегда держали при себе «молочных» подруг для насущного потребления молока, чем неизменно вызывали ревность у своих: возлюбленных.

Играя на этом всемужском влечении, правительство, в большинстве состоящее из Коровников, решило действовать окольным путём. «Коровников» возглавлял Джонни – баснословно богатый сын владельца предприятия «Млечный Путь», с давно обсохшим молоком на губах. Он с раннего детства по очевидным причинам резко ревновал мать к отцу. Более того, у него возникла ненависть к отцу, основанная на убеждении, что тот умышленно морил его голодом, высасывая молоко матери. А когда повзрослевший Джонни узнал, что мать его участвовала в экспериментах и кормила других людей, посчитал, что отец вынудил её на предательство по отношению к своему ребёнку. Подобного рода претензии стали предъявлять своим отцам многие молодые люди – дети кормилиц. Конфликт отцов и детей возникал на том же эдиповом комплексе, но замешенном на материнском молоке.

Тем временем Коровники интенсивно эксплуатировали мужскую тягу к редким «мясным» женщинам, их худобе и безмолочности. Исподволь Коровники пропагандировали и внедряли в подсознание облик «мясных» женщин как образец красоты и сексуальной привлекательности. Для того чтобы компенсировать отсутствие у них молока, Коровники бесплатно раздавали мясным женщинам бутылки с коровьим молоком, к которому те заново приучали своих любовников, да и сами привыкали к нему, отказываясь от личных кормилиц. Сначала возникли секретные ячейки эстетов, которые поклонялись красоте малогрудых, безмолочных женщин и поощряли отвращение к женскому молоку. По известной схеме развития идей тайный культ перерос в открытое элитарное мировоззрение, а затем разросся в общенародную моду, вскоре ставшую нравственной нормой.

В то же время гайки морали закручивались всё сильнее, и грудь женщины, а тем более её молоко стали символом позора и стыда. Дошло до того, что кормление грудью младенцев стало предосудительным, и для обоснованности преследования «молочных» женщин кормление грудью объявили вредным для здоровья матери и младенца. Утверждалось, что только искусственное кормление полезно для обоих. На матерей стали оказывать всяческое давление, чтобы они отрывали младенцев от груди и вместо соска вставляли им соску с коровьим молоком.

«Коровникам» удалось-таки возродить коровьи стада, а там и людскую привычку к коровьему молоку. Снятому и обезжиренному.

Женщины поддались сексуальным предпочтениям мужчин, и количество кормилиц резко уменьшилось, что вызвало дополнительный спрос на коровье молоко. Эталонами красоты стали тощие женщины с еле различимой грудью, пользоваться которой для кормления считалось безнравственным. Редкие мужчины предавались тайному пороку сосания женской молочной груди, а преданные матери, прячась ото всех, прикармливали своих детей грудью.

Как и предрекалось, красота спасла-таки мир. От женского молока.

Любимое дело

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 19.

С одной стороны, ей и ему хотелось разнообразия. С другой стороны, не менее важной, Дженнифер и Джорджу нужны были деньги. Часто размышляли они вслух, как соединить вместе две стороны одной медали. Да чтобы она была из чистого золота. Джордж придумал. Дженнифер одобрила. А быть может, и наоборот. Обсудили возможные варианты. Детали и общее. Осталось воплотить. В плоть. В её плоть.

Они оделись в нарядное. Она сверкала. Он светился. О, как Дженнифер была красива! А как Джордж был хорош! Она не отпускала его руку. И заглядывала Джорджу в глаза. Он прижимал её к себе. Они предвкушали.

Вошли в одну из лучших гостиниц города. Направились прямо в бар. Там, как всегда, сплошные мужчины: бизнесмены, отцы семейств, владельцы, менеджеры. Возрасты на выбор лет с тридцати и выше. Торчали две некрасивые женщины, окуренные со всех сторон мужчинами. Ибо лучше не было, а что было – лучше, чем ничего.

Несмотря на полумрак, все мужчины разом выхватили из него глазами Дженнифер. Её светлая кожа и солнечные волосы заставили головы повернуться или по меньшей мере вынули глаза скоситься. Мужчины её мысленно облизали. Две женщины одарили её взглядом, ревниво оплевав. А в Джорджа некрасаицы всматривались жадно и слгатывали слюну.

Чарующая пара села за столик неподалёку от бара.

Как и договорились, Джордж и Дженнифер стали шарить глазами по мужским фигурам и лицам в поисках достойного.

Официант принёс её любимое Chardonnay. Джордж заказал сок, чтобы не поддаваться алкоголю.

– Как тебе тот, у стойки, разговаривающий с барменом? – спросил он.

– Можно. Но лучше другой, что с полуседой шевелюрой.

– Желание дамы – закон.

Они ещё повыбирали, но вернулись к её первому.

– Ну, с богом, – напутствовала Джорджа его возлюбленная.

Дж и Дж, как они себя стали называть, познакомились на лекции по мотивации, на которую их послали фирмы, где они работали. Сами бы они никогда не пошли на это поистине религиозное мероприятие, заполненное нездоровым энтузиазмом, сомнительными примерами чудес индивидуального обогащения и дурно скрываемыми усилиями лектора продать слушателям видео– и аудиокассеты с навечно запечатлённым, а следовательно, ещё более нездоровым энтузиазмом.

Джордж и Дженнифер сидели в соседних рядах и сразу обратили внимание друг на друга. С радостью заметив, что каждый из них скучает, в отличие от входящих в раж слушателей, они улыбнулись друг другу и в перерыве решили сбежать с лекции. Убежищем оказался номер в том же отеле, где проходило мероприятие.

Заполнив тремя щедрыми порциями спермы три восхитительных отверстия Дженнифер и гарантировав языком, что Дженнифер получила свою долю божественных судорог, Джордж со спокойной совестью принялся за речевое общение:

– Единственный трюизм в этой лекции, который наводит меня на размышления, это: «Найди в своей жизни любимое дело, отдайся ему целиком и построй это дело так, чтобы получать за него деньги».

– Ты нашёл своё любимое дело? – поинтересовалась Дженнифер со счастливым лицом женщины, испытавшей многократный оргазм.

– Давным-давно, – не задумываясь отозвался Джордж с лицом мужчины, выполнившим сладостный долг перед очередной представительницей рода, перед которым он всегда чувствует себя в неоплатном долгу.

– Не будет ли нескромным с моей стороны спросить, что же это за любимое дело? – кокетливо выясняла Дженнифер, играя пальцами с его членом.

– Нескромным? – переспросил Джордж, скосив глаза на её пальцы. – А что это слово значит?

Они рассмеялись, и Джордж вернулся к поставленному вопросу:

– Моё любимое дело – приносить наслаждение женщинам. Хорошее определение?

– О, мой бескорыстный джентльмен! – прильнула к нему Дженнифер.

– Ошибаешься, в этом моя корысть как мужика. А ты нашла своё любимое дело? – спросил Джордж.

– Конечно, – с готовностью откликнулась его возлюбленная, – приносить наслаждение мужчинам.

– Что ж, полдела сделано. Но разве мы отдались этому делу целиком? – торжественно обратил Джордж к себе и к Дженнифер основополагающий вопрос.

Они опять рассмеялись, тем самым показывая, что делают всё, что на данный момент могут, но ещё не всё, что возможно. Однако нужно уже было дойти до конца этого провозглашённого канона жизни. И они поразмышляли о том, как это любимое дело построить так, чтобы получать за служение ему деньги. И вот через месяц страстных встреч они оказались на пороге первой денежной попытки.

Джордж встал из-за стола и направился к их жертве-счастливчику: типичному успешному бизнесмену лет под сорок. Стройному, самоуверенному, крепколицему.

Джордж подсел к нему на стул у бара, держа в руках свой бокал с соком.

– Хелло, – окликнул он его.

Мужчина повернулся к нему с коньячной рюмкой, держа её у губ, – он завершил глоток и отвёл рюмку.

– Хелло, – ответил он выжидательно. На его пальце торжествовало обручальное кольцо. Он подпадал и под минимальный критерий безопасности.

Джордж протянул руку и назвал своё имя.

– Роберт, – с улыбкой пожал тот его руку. – Мы где-то встречались?

Он тщетно напрягал свою память, всматриваясь в Джорджа.

– Мы уже встретились, сию минуту. Вы остановились в этом отеле?

– Да. – Роберт улыбнулся, видно, принимая Джорджа за чуть подвыпившего весельчака.

Джордж продолжил:

– Моя возлюбленная послала меня поприветствовать вас, вы показались ей знакомым.

На его вопросительный взгляд – где она? – Джордж указал на Дженнифер, сидящую за столиком и смотрящую на Роберта мимо подошедшего к ней мужчины, который пытался познакомиться.

– Такую красивую женщину нельзя оставлять в одиночестве, – заметил Роберт и помахал ей рукой. Мужчина, отшитый Дженнифер, отошёл от неё, а она улыбнулась, сверкнув в полумраке великолепными зубами.

– Роберт, что бы вы отдали за приключение с такой женщиной?

Роберт отвёл взгляд от Дженнифер и внимательно посмотрел Джорджу в глаза:

– Я надеюсь, что у вас, Джордж, есть полномочия вести такой разговор.

– Можете не сомневаться.

– Не будет ли тогда более удобным сесть к ней за столик и обсудить это вместе?

– Нет, все обсуждения надо вести со мной. Тэмми не любит разговоров.

Дж и Дж договорились, что не будут раскрывать её настоящего имени. Кроме того, Джордж хотел выдать из него сам как можно больше, а потом уже использовать чары Дженнифер, чтобы добавить ещё.

– Что же вы предлагаете? – спросил Роберт.

– Всё, что вы пожелаете.

– Сколько это «всё» будет стоить?

– Две тысячи.

Бизнесмен посмотрел пристально на Дженнифер, а потом на Джорджа.

– Как это «всё» будет происходить?

– Мы с Тэмми придём в ваш номер в гости.

– Мы? Вы тоже?

– Да. Мы с Тэмми никогда не расстаёмся в любви, мы просто позволим разделить вам наши радости.

– Тогда вы должны платить мне, – заулыбался Роберт.

Джордж встал со стула, показывая, что он готов уйти.

– Подождите, Джордж. Я пошутил. Я предлагаю пятьсот.

Джордж снова сел за стойку.

– Мы собираемся быть у вас не торопясь, часа два-три. Тысяча восемьсот – ради первого знакомства.

– Тысяча, не больше.

– Пойдём за столик к Тэмми, – предложил Джордж, справедливо полагая, что теперь вблизи с ней соискатель должен уступить ещё.

– Тэмми, это Роберт, – представил его Джордж, чуть было не назвав её настоящее имя.

– Здравствуй, Роберт, – улыбнулась она своей действительно обворожительной улыбкой. – Это я выбрала вас.

Джордж между тем думал, как бы не увлечься ситуацией и не забыть о деле. Он видел, что Дженнифер захотелось Роберта, а нужно было продолжать торговлю. Джордж напоминающе нажал под столиком ногой на её ногу.

– Роберт почему-то не ценит время с тобой по достоинству.

Роберт взял руку Дженнифер в свою и целовал её пальцы, поглядывая на Джорджа. Она опустила другую руку под стол и погладила его вздувшуюся ширинку.

– Тысяча пятьсот, – сказал Роберт сквозь пальцы Дженнифер.

Дж и Дж одобритительно переглянулись.

– Договорились, – завершил сделку Джордж.

Они направились из бара к лифту. В лифте были двое мужчин, слюнявивших глазами Дженнифер. Все молчали. Впервые при ярком свете они разглядывали друг друга. Роберт был хорошим уловом. Дорогой костюм на ладном теле, умная голова с мужественными чертами лица. Его глаза пылали. Дженнифер уставилась в этот огонь и лишь иногда взглядывала на Джорджа с лёгким извинением за свою страсть. Джордж поощрительно улыбался.

Номер оказался на тридцатом этаже с прекрасным видом на светящиеся изнутри небоскрёбы.

Чуть дверь номера щёлкнула за ними, Роберт обнял Дженнифер за талию и нацелился было на поцелуй.

– Прошу прощения, – остановил Роберта Джордж, взяв его за плечо, – давайте сначала закончим деловую часть.

– Хорошо, – сразу согласился Роберт, ушёл быстрым шагом в спальню и вернулся.

– У меня наличными есть только тысяча, остальное я выпишу чеком, на чьё имя?

Джордж дал ему своё имя, и Роберт нетерпеливой рукой выписал чек и отсчитал ему десять сотенных.

«Даже если он отменит потом чек, тысяча – это тоже неплохо», – подумал Джордж и спрятал деньги и чек во внутренний пиджачный карман, что был на молнии.

Роберт повёл Дженнифер в спальню, и Джордж последовал за ними.

Дженнифер раздевала нового возлюбленного, он – её, Джордж – сам себя.

Через десять секунд все были голые.

Дженнифер, как всегда, взяла инициативу, положила Роберта на спину, взяла в рот его красивый член, облизала его до нужной кондиции и забралась на него. Джордж сидел сзади и держал её за зад, разводя в стороны ягодицы, видя, как жадно углубился член Роберта меж её сочащихся губ. Джордж привстал, его поджидал её дышащий сфинктер. От их регулярных радостей у неё в анусе заработали железы смазки, подобные вагинальным. Джордж плавно углубился в Дженнифер, ощущая движение Роберта через чрезвычайно тонкую стенку. Он сравнивал, шутя, её толщину с толщиной презерватива, настолько чётко ощущалась шейка её матки или член другого мужчины.

По движениям и стонам Дженнифер Джордж знал, когда надо кончить, чтобы принести ей максимальное наслаждение, – она любила, чтобы кончали в неё за две-три секунды до её оргазма, чтобы семя было уже в ней и её спазмы всасывали его. Кроме того, ощущения мужских спазм были для неё верхом возбуждения, которые сталкивали в неотвратимость собственного оргазма.

Она уже давала Джорджу знать, стелая и глубоко насаживаясь, что уже – скоро. Но тут Роберт оторвался от рта Дженнифер, приостановил свои движения и сказал:

– Сладкая моя, я хочу поменяться с Джорджем местами.

«Что ж – подумали Джордж с Дженнифер, – раз клиент просит...»

Роберт вывернулся из-под Дженнифер, оставшейся стоять на четвереньках, а Джордж посторонился и уступил ему место. Джордж смотрел, как Роберт умело вдавливая член в радостно расступающийся сфинктер. Джордж полез было на место Роберта, под Дженнифер, чтобы не оставлять её недозаполненной.

– Джордж, – сказал Роберт, – а ты еби в зад меня.

Это было для Джорджа неожиданностью, ибо он никогда раньше не делал этого. Но и здесь он понял, что надо выполнять желание клиента. Да и всё когда-то случается в первый раз, а это не самый худший вариант. Джорджа к тому же разобрало любопытство: сравнить ощущения в женском и мужском зад.

Роберт медленно двигался в Дженнифер, а Джордж подступился к нему сзади – чуть волосатые ягодицы, раскрыл их, как женщине, и там, среди волос, светилось нечто, делающее мужчину и женщину почти неразличимыми. Роберт приостановил свои движения, позволяя Джорджу углубиться в него. У него ещё не заработали смазочные железы, и Джордж поспешил свой член. Когда он углубился до упора, Роберт возобновил медленные движения, к которым Джордж приравнял свои. Двигались в такт. Джордж держал его за бедра, непривычно узкие, радуясь, что всем им так хорошо да ещё деньги за это в кармане.

Джордж от новых ощущений чувствовал, что долго не выдержит, дал знать Дженнифер стоном приближение и задвинул в Роберта всё, что скопилось. Роберт с лёгким стоном тоже кончил, сжимая член Джорджа анусом значительно сильнее, чем женщины. Мышцы и здесь оказались сильнее у мужчины. За Робертом, как последнее выстроенное в ряд домино, ухнула в оргазм Дженнифер.

«Совсем неплохо для первого раза», – подумал Джордж, и Дженнифер потом поделилась с ним, что эта же мысль посетила её сразу после последней спазмы.

Они расцепились и легли – Дженнифер лежала между мужчинами. Её подмышка пахла сладким потом похоти, который переборол даже дезодорант.

– Теперь ты, Тэмми, соси его хуй, а ты, Джордж, соси мой, – скомандовал Роберт и добавил: – Ничего не смывая.

Помедлив мгновение, необходимое для осознанности выполнения приказа, Дженнифер проглотила хуй Джорджа, побывавший в задке нового любовника, потому что это хуй любимого, а на нём всё желанно, тем более от пришедшегося по вкусу любовника, а Джордж облизывал его хуй, потому что он побывал в глубинах Дженнифер, а они облагораживают любой предмет, в них погружавшийся, тем более первый для Джорджа хуй, оказавшийся вполне уместным во рту.

Они образовали кольцо и долго не хотели его разрывать мужским оргазмом. Роберт в этом кольце замкнулся на клитор Дженнифер, а он приводил её к оргазму многократно. Дженнифер знала, как ублажать Джорджа, и всё это вводило её в особый раж, обострявший её мастерство. Оргазм начался у Джорджа и пронёсся по кольцу. Ему в рот плеснуло семя, и он, как птица, несущая червя птенцу, донёс почти всё до рта Дженнифер, и она в страстном поцелуе под влиянием очередного оргазма сглотнула всё и вылизала язык Джорджа.

Организм наслаждения разделился на три части. И они лежали в восторженной прострации.

– Неплохо поработали, – сказал Роберт. – Мне завтра рано вставать, и нам пора расставаться. Я приезжаю сюда раз в две недели, и, надеюсь, мы сможем встретиться снова.

Заставлять Дж и Дж не пришлось, они быстро оделись, Роберт поцеловал Дженнифер в губы, а Джорджа в щёку.

– Дай мне твой телефон, – попросил Роберт Джорджа.

Тот продиктовал.

Когда они садились в машину, Дженнифер сказала:

– Не знаю, как тебе, а мне очень всё понравилось: и сладко было, и полезно.

– Да, – согласился Джордж – первый блин вышел настоящим трёхслойным тортом. – И они поцеловались.

– Но ты допустил ошибку, – сказала ему Дженнифер, отстраняясь, – нужно было взять с него дополнительные деньги за то, что ты его ублажал.

– Ты права, в следующий раз не оплошаю. Поехали, вложим чек в банк, чтобы, чего доброго, он не отменил его назавтра, – предложил Джордж.

– Давай. Рента на этот месяц и еда – оплачены. Теперь можно и об удовольствиях подумать, – радостно подытожила Дженнифер.

– Когда снова пойдём на охоту? – спросил Джордж.

– Завтра, – ответила Дженнифер и положила голову на плечо Джорджу.

Через неделю Роберт позвонил Джорджу договориться о встрече в его близящийся приезд. Он останавливался в том же отеле.

– Видишь ли, – начал корректировать финансовые условия Джордж, – в прошлый раз я тебя ублажал сверх нашей договорённости. Так что, если ты хочешь, чтоб я к тебе подключился, это будет на тыщу больше.

– А ты приходи без Тэмми, – услышал Джордж в трубке.

– Как без Тэмми?

– А так – ты меня интересуешь больше, чем она.

– Мне нужно подумать, – проговорил опешивший Джордж.

– А чего думать – ты свою тыщу получишь.

– Хорошо, – быстро согласился он – слишком легко шла в руки эта тысяча. «Определение „любимого дела“, – подумал Джордж, – теперь надо будет расширить».

Поэтические предпочтения

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 24.

Странные влечения были у этого Поэта, такие же, казалось бы, взаимоисключающие, как и его поэтический талант и баснословное богатство, полученное им в наследство.

Поэта сего влекли чрезмерно толстые женщины, тогда как время он проводил со стройнотелыми красавицами. Как известный человек, ведущий светскую жизнь, он был постоянно на виду, и ему приходилось для сохранения приличий появляться в обществе только с элегантными и красивыми женщинами.

С толстыми, а часто и вообще с бесформенными женщинами он встречался тайно.

Руки, губы, и всё, чем Поэт мог пробовать женщину на ощупь, требовали обилия плоти, а общаться ему приходилось с тонконогими, сухопарыми манекенщицами. Во всяком случае, такими они ему представлялись по сравнению с теми, желанными.

Кроме того, его любовная лирика, обращённая к женщинам, подразумевала в героинях красавиц, как полагали читатели и критики. Если бы вдруг стало известно о Поэтовых предпочтениях, то его поклонники, а особенно поклонницы, могли не только разочароваться в нём, но и даже возненавидеть.

Когда в двадцатилетнем возрасте Поэт впервые осознал своё влечение, то поначалу он облюбовывал и облюбливал просто полных женщин, потом – уже откровенно толстых, а затем стал искать только таких, плоть у которых была буквально необъятной.

Но странное дело – когда он добывал себе толстых женщин, то, колыхаясь на них, он в мечтах представлял себе стройную любовницу, а когда он проводил время со стройной женщиной, ему всегда не хватало её плоти, чтобы чувствовать себя полностью в неё погружённым.

Ли была женщиной высокого роста и носила свободную широкую одежду, которая, как она была уверена, скрывала её огромное тело. Лицо Ли было хотя одутловатым, но красивым, и это было для Поэта необходимой принадлежностью обильной женской плоти.

Поэт познакомился с ней в небесах. Вернее, в самолёте, где они сидели в широких креслах первого класса, а Ли даже в такое кресло помещалась с великим трудом и поэтому большую часть полёта стояла. Когда они приземлились, она уже была готова выполнить все земные желания Поэта.

Обыкновенно женщину встречают по лицу, а провожают по насыщению её телом. Уродливое лицо нередко может оказаться существенным препятствием для эстетически чувствительных мужчин, среди которых не последнее место занимают поэты. Посему, чтобы не оскорбить своего чувства красоты, мужчины, бывало, укрывали некрасивое лицо женщины задранной юбкой, тряпкой, одевали ей на голову мешок или совершали священнодействие в темноте – и всё для того, чтобы отталкивающее лицо не портило пейзаж прикладных частей женского тела.

Нередко инициатива прикрытия лица исходила от самокритичной женщины, которая предлагала: «Хочешь, лицо прикрою?» Такой честный порыв мог возникнуть у женщины только от страстного желания заработать или бесплатно отблагодарить своим телом.

Размышляя над своими влечениями, Поэт пришёл к выводу, что когда лицо прикрыто, его как бы и нет, но зато беспрепятственно раскрывается панорама с глубоким и влажным ущельем или предстаёт портрет «губки бантиком» ануса. В процессе падения в ущелье или в момент, когда анус под давлением перестаёт быть молчаливой точкой и произносит букву «о», можно себе навообразить любое красивое лицо. Главное, чтобы хую было сладко, тогда и тебе всему сладко будет. Взор твой видит роскошествующую пизду, мягкий живот с точным центром пупка, лобок разнообразной густоты и цвета и хуй, утопленный в блаженстве, выле-

зающий как бы сделать вдох и снова ныряющий во влагище ли, в прямую ли кишку, в коих бы ему попеременно жить да поживать и горя снаружи не видеть.

Но на этот раз всё перевернулось не с ног на голову, а с головы на живот. Ли была красавицей. Лицом. Годов ей было двадцать три. Голубые глаза, густые каштановые волосы, налитые губы, всегда готовый лизать язык. Ли предупредила Поэта о своей необычной толщине перед первым раздеванием. На что он ответил: «Я люблю полных женщин, исходя из простого и очевидного принципа: чем больше у женщины плоти, тем больше самой женщины».

Однако, когда Ли сняла с себя одежду, её красивое лицо перестало притягивать Поэтин взгляд и не потому, что он увидел пизду, а потому, что он её не увидел. Вернее, он её увидел позже, но с трудом. А дело обстояло так: взору Поэта открылось тело, не похожее на человеческое, это были огромные куски бесформенного мяса, которые начинались сразу под грудью и спадали вниз. Сама грудь неузнаваемо терялась в грудях мяса, которые сразу под ней возникали в форме не связанных друг с другом кучек, холмиков и горок. Соски с трудом можно было рассмотреть в огромных складках, которые вовсе не выглядели грудями, но, разглядев, только по соскам становилось понятно, что это – молочные железы.

Посередине живота проходила вертикальная складка, разделяющая левый и правый массив мяса. Пупка не было. Лобок был скрыт провисающим мясом, которое прятало бёдра и доходило чуть ли не до ляжек, как мини-юбка. Поэту пришлось задрать эту «юбочку» на живот, чтобы открылся лобок и в раздвинутых ногах замаячила знакомая суть, не тронутая творщимся выше уродством и лишь перекликающаяся с красотой лица.

Выстраивались две вехи красоты, между которыми торжествовало уродство. Теперь Поэт старался не отрывать глаз от лица Ли, пока распорядился хуем так, чтобы он вошёл в исправно влажное отверстие под глыбами мяса. Когда проникновение состоялось и хуй почувствовал себя как дома, торс поэта кое-как укрыл собой мясные глыбы под ним, но они вылезали по сторонам, а красивое, вошедшее в блаженство лицо сияло перед поэтическими глазами. На краткие мгновенья всё стало прекрасным.

Когда любовники очнулись, Поэт решился спросить Ли, что такое с ней случилось, произошло или приключилось, что сделало её столь плотеобильной. Ответ её был медицински чётко: Ли родилась с кишками наружу, и ей была сделана операция по вкладыванию их вовнутрь живота. Возможно, эта операция нарушила процесс размножения клеток, и они стали плодиться беспорядочно, в основном на территории груди и живота. Ноги и руки тоже отозвались на это нарушение, и с них волнами свешивалось мясо. Создавалось впечатление, что мышцы отказались работать и плоть болтается как попало. Однако Ли весьма резво для своих размеров могла двигать всеми конечностями.

Поэт пытался унять своё потрясение и переводил глаза от живота к лицу, но взгляд снова возвращался на живот. «Неужели уродство влечёт нас не менее сильно, чем красота?» – спрашивал он себя.

Как бы там ни было, но красота и уродство в данном случае сосуществовали бок о бок, а точнее – лицо о торс.

Ли наблюдала за Поэтом спокойно – с ней уже случалось так, что, когда мужчины отчаянно на неё стремились, как только она обнажалась, у них отвисали челюсти, обвисали члены и ужаснувшиеся мужчины в отвращении стушёвывались, пренебрегнув зияющей пиздой, которой Ли стремилась их привлечь, задирая кверху свисающее над лобком мясо. Получалось нечто противоположное ожидаемому – возделенная нагота женского тела не соблазняла, не влекла, а отталкивала.

Лишь один раз Ли удалось в полумраке обмануть мужчину и, не раздеваясь, задрать платье, но не слишком высоко, а лишь для того, чтобы открыть доступ ко влагищу. Она умудрилась под платьем подтянуть вверх мясную «юбочку», и мужчина впопыхах справил своё

дело. Но когда он всё-таки разобрался, что к чему, он убежал так же резво, как и его предшественники.

Поэт же оказался стойким. После первого шока, который был связан больше с ошеломлением, чем с отвращением – ведь в чрезмерную женскую плоть он всегда стремился, – Поэт оправился достаточно быстро. Для отдохновения глаз он попросил Ли перевернуться на живот, чтобы не видеть его. Но и спина была покрыта громадными сгустками плоти. Зад же у Ли был вполне красив, как её лицо, и анус жадно вбирал Поэтов хуй. Но в стороны от ягодич, на уровне, где должна была быть талия, расплывалось мясо, и зад напоминал желток в глазунье, красующийся в растёкшемся белке, хотя, разумеется, был не жёлт, а вполне достойного цвета.

Поэт старался смотреть не на окружение, а лишь в жирную точку ануса. Подобное он научился производить и с пиздой – только ею радовался глаз, и потому он вычленил её из тела, по возможности пренебрегая уродливой оправой.

Ли напоминала русалку по тому разочарованию, которое она в себе таила – женщина с отталкивающим телом, к которому влечёт красота её лица. Но благодаря всё-таки наличию двух отверстий Ли была прекраснее любой русалки.

Отправляясь на тайную встречу с Ли, Поэт грезил только этими двумя отверстиями в её необозримом теле. А на обратном пути, потеряв к ним интерес, он размышлял об отвратности остальной её плоти. Но через некоторое время желание возвращалось, и бесформенность мяса начинала даже увлекать Поэта – он говорил себе, что получил то, о чём мечтал: обилие женской плоти, но собранное в кучу.

Что же касается Ли, то она была безмерно счастлива, ибо нашла-таки любовника, да ещё богатого, да ещё Поэта. Хотя за последнее ей пришлось в итоге пострадать, правда хеппиэндно. Ведь всякий поэт по сути своей обладает бурной фантазией, и Поэт, о котором идёт повествование, не был исключением. А фантазии влекут нас жить.

Углубившись в Ли и созерцая её мясо, обхватывая его руками и как бы сгребая к центру, будто это поднимающееся и убегающее тесто, Поэт, как обычно, мечтал о прекрасных линиях тонкой талии да округлых ладных бёдер. Когда же Поэт оказывался в тех же позах со своими красивыми поклонницами, он, уже привычно, представлял на их месте плетеобильную Ли.

В глубине души его тяготила такая двойственность желаний. Насколько было бы беззаботней, думал он, удовлетворяться красавицами, которые у него имелись в избытке, как было бы замечательно, если бы уродство перестало его влечь.

Однажды ему попался в руки журнал, посвящённый художественной татуировке. В нём приводились фотографии различных частей тела с филигранными, изощрёнными работами татуировщиков. На одной спине была вытатуирована танцовщица в ярком платье, с веером и кастаньетами, изгибающаяся и манящая. Эта татуировка натолкнула Поэта на мысль, которая вскоре превратилась в навязчивую фантазию, – а её следовало немедленно воплотить, как он это делал со всеми фантазиями. Но для участия в выполнении этой затеи требовалось согласие Ли. Впрочем, она ради того, чтобы сохранить к себе интерес Поэта, пошла бы на всё, о чём бы он ни попросил. И Поэт об этом без труда догадывался.

Дальше всё дело было за деньгами, которых у Поэта водилось предостаточно. Он связался с татуировочными художниками и выбрал из них лучшего, который писал по телу картины с мельчайшими, точно выведенными деталями. С ним Поэт обсудил не только рисунок, который должен был вытатуировать художник, но и тип туши. В туши состояла особая забота, о которой ниже – она была не менее важна, чем сам рисунок. Художник нашёл специалистов по древним татуировкам из Африки и Южной Америки и получил тушь, за которую Поэт заплатил маленькое состояние. Было известно о секте татуировщиков, на которых не действовал яд самых опасных змей, вследствие чего все почитали их за волшебников и магов. Оказалось, что, постоянно татуируя друг другу изображения на теле, они использовали краску, в которую добавляли крохотные порции яда от разных змей. Регулярно накалывая татуировку

такой краской, художники таким образом делали прививки, вырабатывая в себе иммунитет к змеиному яду.

Художник-татуировщик приезжал в особняк Поэта ежедневно в течение нескольких месяцев. Ли пришлось на это время поселиться в особняке, чему она была несказанно рада. Более того, Поэт взял Ли на содержание, так как работать ей в течение этой почти ежедневной и фундаментальной процедуры было просто невозможно. Две служанки, медсестра и врач были приставлены к пациентке, чтобы следить за её самочувствием во время длительного процесса татуировки.

Однако радости у Ли убавилось, когда Поэт объявил ей, что не будет заниматься с ней любовью, пока на её теле ведутся работы, так как не хочет видеть татуировку, пока она не будет полностью закончена. Будучи человеком соболезнующим чужим бедам, Поэт разрешил ей, если удастся, соблазнить художника-татуировщика, чтобы он, имея полный доступ к её телу, мог бы проникать в него не только иглками. Ли жаловалась потом, что всё, к чему ей удалось склонить художника – это получить его позволение удовлетворить его ртом. К остальному её телу мастер не пожелал прикасаться, кроме как иглками.

Поэт тем временем продолжал свою половую жизнь, меняя стройных на толстых и толстых на стройных. Но среди толстых не было такой прекраснойлицей и в то же время такой плетеобильной, как Ли.

И вот наступил день, когда можно было принимать работу. Ли волновалась больше всех – она понимала, что от успешности татуировки зависит её будущее с Поэтом. Принятие работы происходило, как и было решено, вечером в спальне. А именно – в действии.

Когда Поэт вошёл в полумрак будуара и взглянул на широкую кровать с балдахином, он прежде всего увидел на мягко подсвеченной подушке красивое лицо Ли. Издали обнажённое тело её испускало туманный свет, ибо краски, которые использовал татуировщик, были, по договору, флюоресцирующие. Подойдя ближе к кровати, Поэт увидел произведение искусства: на кровати лежало идеальной формы женское тело с головой Ли: на бескрайней плоти была вытатуирована тонкая талия, небольшие груди, пропорциональные полные бёдра, нежный живот с пупком посередине. Эта картина занимала, наверно, лишь десятую часть плоти Ли, которая была не видна за пределами светящейся розовой татуировки. Очертания длинных стройных ног соединялись татуировкой бёдер так, что лобок и пизда совпадали по месту с границами татуировки. Поэтому, когда Поэт попросил Ли развести ноги, ему открылся вид, вполне соответствующий мастерски изображённому роскошному телу.

– Повернись на живот, – скомандовал Поэт, и Ли медленно, с огромным усилием перевернула свою плоть. По пути, когда она оказалась на боку, светящаяся стройная фигура вдруг обнаружила свои границы – на боках ничего татуированного не было, и в полумраке он предстал тёмным пятном, затмившим линию края красоты. Но через мгновение, когда Ли перевалилась на живот, глазам Поэта открылась вторая половина дивной фигуры, вытатуированной на спине, ягодицах, ногах. Художник поработал не только над совершенством очертаний, но и над фактурой кожи – её цвет поглощал все неровности, бугры и впадины плоти Ли, попадавшие внутрь изображения прекрасного тела. Как спереди, так и сзади главное отверстие бёдер оказывалось точно в нужном месте светящейся плоти.

Удовлетворённый увиденным, Поэт должен был теперь насытиться прочувствованным – он сбросил с себя шёлковый халат, подошёл к лежащему на животе телу, раскрыл светящиеся ягодицы, положив руки не внутри татуированных идеальных очертаний, а вне их, на свисающую плоть. Между ягодиц зиял мрак, в котором он умел перемещаться на ощупь. И вот Поэт замер в глубине, охватывая руками чрезмерную плоть, но видя перед глазами сияющее совершенство меры.

Затем он попросил Ли перевернуться на спину (для чего ему пришлось сойти с кровати, потому что места для Поэта при перевороте не хватало), и насладиться зрелищем спереди и ощущениями входа в творилище будущего.

Счастливая Ли спрашивала:

– Как я тебе нравлюсь?

– Ты прекрасна! – искренне восклицал Поэт, распахнув руки, чтобы держаться за её бока. Он осторожно прикасался к нарисованному, боясь что-либо повредить, смазать, будто это был свеженаписанный холст.

Как прекрасен был теперь лик тела! Каким особо восторженным было теперь ощущение огромности плоти!

Казалось бы, мечта Поэта свершилась – в одной женщине он нашёл воплощение двух своих противоположных устремлений.

Для Ли это тоже была победа – она поняла, что теперь Поэт принадлежит ей больше, чем прежде, и доказательством этому было то, что он оставил её жить в своём особняке, отведя целый этаж в её распоряжение – меньшее пространство стало бы для её тела тюремной камерой.

Но последствия татуировки на этом не закончились, а только начинались. Светящаяся тушь была полна других свойств, которые вскоре начали вступать в действие. Линии, являвшиеся границами силуэта красивого женского тела, стали работать как медленные ножи. Химический состав краски, которой они накалывались, был таков, что она медленно разъедала плоть, но только в том месте, где эта линия была наколота. Этот процесс сопровождался бы ужасной болью, если бы в состав туши не входили сильные болеутоляющие вещества. В течение долгого времени татуировки организм наполнялся веществами, которые выработали иммунитет к боли на несколько недель, чего должно было вполне хватить для полного осуществления плана. В течение этого времени Ли находилась как бы в полусне. Служанки делали ей массаж, переворачивали, сестра следила, чтобы у неё не возникло пролежней и заставляла Ли подниматься с кровати и ходить. Врач пристально наблюдал за всеми функциями организма.

Вскоре татуированные линии, дававшие очертания прекрасного тела, превратились в глубокие порезы. Они не кровоточили, потому что порезы увеличивались достаточно медленно, и тело успевало заживать по мере их углубления с двух сторон: спереди и со спины. Разрезы шли в теле встречно, как строители, с двух сторон прорубающие тоннель.

Поэт объяснил Ли, что таким образом удастся избавить её от лишней плоти, и Ли, полностью доверяя Поэту, принимала всё исходящее от него как должное, тем более, когда она не испытывала никакой боли.

Наконец наступил момент, когда в самом тонком месте тела – на руках – разрезы соединились, и часть плоти, словно рукава, осталась лежать на постели, когда Ли подняла руки. Они ей казались теперь такими лёгкими и сильными. Врач аккуратно отрезал отвалившуюся плоть от той её части, которая ещё держалась, но вскоре должна была тоже отпасть.

Одним утром Ли пробудилась, потянулась и, как выпавшаяся красавица, села на кровати, небывало стройная и лёгкая. Её отрезанная татуировкой плоть осталась лежать на простыне, как тесто, из которого вырезали женскую фигурку одним нажимом формочки. Ли была настолько счастлива своей лёгкостью, подвижностью и абсолютной новизной ощущений, что она даже не обращала внимания на Поэта, любовавшегося ею, и на врача, который пытался рассмотреть все «срезы» тела Ли. После освобождения от лишней плоти оставшееся тело обрело особую чувствительность – при прикосновении к своему периметру Ли ощущала боль, как от касания к не до конца зажившей ране, которая затянулась ещё лишь очень тонким слоем кожи. Поэтому, чтобы избежать всяких прикосновений к торцу тела, она ходила совершенно обнажённая с растопыренными руками и ногами, чтобы ноги не тёрлись друг о друга, а руки – о бока.

Поэт боялся к ней подступиться, по привычке раскрывал объятия для необозримой плоти и обнимал воздух.

Через неделю Ли исчезла, оставив записку, где благодарила Поэта за подаренную ей новую жизнь, которую она хочет начать заново, причём в другом городе. Она просила не обижаться на неё, обещала, что вернётся – просто ей необходимо побыть наедине с собой и потом заново войти в человеческое общество иной женщиной.

Поэт воспринял исчезновение Ли в высшей форме поэтически, другими словами – философски, хотя не поверил в её обещание вернуться. В нём тоже, показалось ему, произошли перемены, и его неистребимая тяга к толстым женщинам постепенно исчезла. Женская красота перестала быть для него противоречивой из-за постоянного требования её отрицания, и Поэт чуть было не женился на одной из самых популярных кинозвёзд. Однако по зрелому размышлению он решил повременить, когда к нему стала проявлять неотступный интерес знаменитая и не менее красивая журналистка. Но и на журналистке, писавшей замечательные статьи о его книгах, он тоже решил не жениться. Вместо этого он написал книгу весьма проникновенных стихотворений о женской плоти.

Через год к воротам поместья Поэта подъехал автофургон. Шофёр и пассажир долго что-то объясняли охраннику. Охранник связался с начальником, а тот – с самим Поэтом, который приказал пропустить приехавших визитёров. Когда автомобиль остановился у парадного подъезда, Поэт вышел из дверей. Он увидел с трудом вылезающую из автобусика Ли. На ней опять было широкое платье, но теперь даже оно не могло скрыть обилия плоти, которая вновь наросла на ней. Поэт бросился навстречу Ли и обнял частицу её огромного тела.

Любимый вальс

Памяти И.Я.А.

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 28.

С первого класса родители записали меня в кружок музыки, который проводился после уроков два раза в неделю. Моя пианинная игра, согласно родительским надеждам, должна была когда-то превратиться в рояльную. А пока занятия проходили в бывшей уборной в конце длинного коридора на первом этаже школы. Начальство решило, что вполне достаточно уборных на остальных четырёх этажах. Благодаря такому мудрому решению удалось изъять раковины и унитазы, кое-как заделать дыры в полу и втиснуть туда старое пианино. Однако лёгкий запах в этом музыкальном классе всегда оставался, напоминая, на каком фундаменте стоит искусство.

Учительницей моей была Римма Львовна, которой было тогда под сорок. Она была высокая, худощавая с прямой спиной. А также добрая и любящая своих учеников, каждого звала «голубчик». Все годы, что я её знал, она носила одну и ту же причёску: пробор посередине, гладкие длинные волосы, прижатые к голове, убраны назад, но по пути полностью закрывающие уши. А на затылке волосы были собраны в небольшой низкий витиеватый узел, проткнутый шпильками.

На стене над пианино Римма Львовна вывесила портреты в рамках – Чайковского, Мусоргского, Глинки, Глазунова, Римского-Корсакова и Моцарта. Ощущение мощи «Могучей кучки» плюс Моцарт врезалось в память. Под их величественными обликами я разучивал пьесу: «Жили у бабуси два весёлых гуся».

Когда ученик приходил чуть раньше или Римма Львовна задерживалась с предыдущим учеником, ожидающему позволялось сидеть в музыкальной комнате на стуле и дослушивать чужой урок.

Так однажды произошло и со мной. Когда я вошёл в бывшую уборную, я увидел Римму Львовну, наклонившуюся над своей ученицей в коричневом форменном платье и белом переднике, сидящей за пианино. Римма Львовна показывала пальцем строчку в нотах, стоявших на пюпитре. Ученица быстро оглянулась на меня, вошедшего, и снова повернулась к нотам. Римма Львовна сказала мне:

– Здравствуй, Славик, садись, голубчик, и жди, мы уже заканчиваем.

Увидев лицо ученицы, я почувствовал, как у меня задрожали ноги, и я плюхнулся на стул. Такой красоты я в своей семилетней жизни ещё не видел.

– Лиля, ты поняла, здесь надо играть анданте? – спросила Римма Львовна.

Девочка кивнула головой.

– Хорошо, сыграй ещё раз, сначала.

То, что я услышал, потрясло меня вконец. Волшебная грустная мелодия зазвучала из-под пальцев девочки – ещё никогда я не испытывал такого сильного ощущения от музыки.

Я сидел в полубессознательном состоянии. Девочка была лет на пять старше меня и виделась мне богиней, тогда я ещё не знал, богиней чего.

Когда она ушла, я сидел в трансе, пока меня не окликнула Римма Львовна:

– Голубчик, ты что, заснул?

В конце урока я осмелился спросить, как называется вещь, которую играла Лиля.

– Это «Вальс» Хренникова. Тебе он понравился?

– Очень. А когда я смогу это играть? – заметал я.

– Я думаю, через несколько лет. Зависит от того, как ты будешь стараться.

И я начал стараться. Научиться играть этот вальс стало основным стимулом продолжения моих занятий музыкой.

Через два года я спросил Римму Львовну, можно ли мне уже разучивать «Вальс» Хренникова, но разрешения не получил, и пришлось ждать ещё несколько лет. За всё это время я видел Лилю не так уж и много. Она стала заниматься по другому расписанию, и я уже не сталкивался с ней на уроках музыки. Иногда я наблюдал за ней на переменках, гуляющей с подружками по коридору. Но гарантированная встреча у нас была раз в году, весной, перед окончанием школы, когда проходил экзамен, который устраивала Римма Львовна. Она делала из него торжественный концерт, на который приходили родители учеников и даже их знакомые и родственники. Экзамен происходил в спортивном зале школы, в который вкатывали пианино и вносили длинные скамейки, на которые усаживались зрители и экзаменуемые. Справа от пианино за столом сидела Римма Львовна, её взрослый сын, который закончил консерваторию, завуч школы и представитель родительского комитета.

Римма Львовна называла фамилию экзаменуемого ученика и три вещи, которые он будет играть. Ученик вставал со скамейки и, трепеща, шёл к пианино. Учеников было не менее двадцати. После того, как концерт заканчивался, наступал перерыв, в течение которого жюри должно было выставить оценки, а все отмузыцировавшие бросались на школьный двор играть в «Али-Баба». Лиля была самой старшей, и она всегда затевала эту игру. Под её руководством все выстраивались в два ряда, один напротив другого. В каждом ряду все крепко брались за руки.

Лиля кричала, и её ряд ей вторил:

– Али-Баба!

Из другого ряда отвечали:

– Чего, кума?

Лиля, улыбаясь, громко выдвигала требование:

– Тяни рукава!

– С какого бока? – во весь голос вопрошали напротив.

– Слева направо Славу нам надо! – кричал ряд напротив меня с чудесным голосом Лили.

Я освобождал руки и бежал в ряд напротив, стараясь разорвать цепь. Я устремлялся в центр, где стояла Лиля. Мне удавалось разорвать сцепление рук, и поэтому я имел право взять к нам в ряд либо Лилю, либо стоявшего рядом с ней. Конечно же я выбирал Лилю и вёл её в нашу команду, как самый дорогой трофей. Она вставала рядом со мной, и мы крепко брались за руки. И это было счастьем.

Выигрывал тот ряд, который мог таким способом пополниться всеми, кроме одного последнего, из противоположного ряда.

Но нам никогда не удавалось доиграть до конца, так как заседание жюри кончалось, и нас приглашали обратно в школу. Там нам объявляли оценки, которые содержали плюсы и минусы. Просто пятёрка была недостаточна для тщеславия музыкальных исполнителей. Лиля всегда получала пять с плюсом.

Так мы регулярно встречались из года в год, и всегда она в какой-то момент игры выкликивала меня, и я бежал разорвать именно её звено. А когда я кричал, то я звал Лилю, и она бежала именно туда, где стоял я.

С каждым годом Лиля становилась всё красивее, у неё выросла высокая грудь и раздались бёдра. И с каждым годом мне это нравилось всё больше и больше.

Наконец Римма Львовна разрешила мне разобрать «Вальс» Хренникова. Для того чтобы достать ноты, которых в магазине не было, мне пришлось поехать в музыкальную библиотеку и самому копировать пять страниц, накладывая кальку с проведёнными карандашными линиями, на которые я переводил ноты. Потом эту кальку я наклеил на листы бумаги, чтобы она не

просвечивала. Это было в те времена, когда копировальные машины существовали только в КГБ.

По этой самодельной копии я разучивал свою музыкальную мечту. К тому времени Лиля уже закончила школу, и Римма Львовна как-то сказала мне, что Лилия вышла замуж.

Всякий раз, когда я слышал или играл этот вальс, я думал о Лиле. Думал я о ней и в другие времена, когда делал свои первые поползновения на девочек.

Однажды, когда я пришёл на очередной урок, уже заучив наизусть «Вальс» Хренникова, и открыл дверь в класс, бывший туалет с тем же невыветриваемым запахом, я увидел Лилу, разговаривающую с Риммой Львовной.

– Здравствуй, Слава! – обрадовалась мне Лилия. – Какой ты стал большой.

– Привет, – сказал я, – ты тоже.

Лилия и Римма Львовна рассмеялись.

– А я вот соскучилась, пришла посмотреть, как вы живёте, – сказала Лилия, глядя то на меня, то на Римму Львовну. – Можно мне послушать, как Слава играет?

– Конечно, голубчик, конечно. Мы с тобой уже поговорили, сиди, слушай, что он играть будет.

И я заиграл «Вальс» Хренникова. Когда я закончил, Лилия хлопала в ладоши:

– Молодец, хорошо сыграл, с душой! Как я люблю этот вальс! – воскликнула Лилия.

– И я люблю, – сказал я, вкладывая в это слово смысл, выходящий далеко за музыкальные пределы.

Когда урок закончился и я стал собираться уходить, Лилия встала и сказала Римме Львовне, что ей пора. Да и новая ученица уже ждала своей очереди.

Мы вышли вместе с Лилей в коридор. Сердце моё носилось по всему телу.

– Что ты так на меня смотришь? – игриво спросила Лилия.

– Ты очень красивая стала, – сказал я, глядя ей в глаза, пылая лицом.

– Ты тоже стал взрослым, – сказала она и добавила: – Почти.

Мы подошли к раздевалке, нянечки не было, она всегда уходила к концу дня.

Мы углубились в раздевалку, я нашёл свою куртку. Лилия сняла с крючка свою шубку и накинула на плечи. Вдруг я почувствовал её руку у себя между ног.

– Иди сюда, я тебя взрослым сделаю, – шепнула она и оглянулась, нет ли кого вокруг.

Она опустилась на колени, ловко расстегнула мне ширинку, вытащила из-под широких трусиков мой сразу вскочивший хуёк и взяла его в горячий влажный рай. В потолке раздевалки распахнулись небеса и божество дало мне вкусить его благодати.

Эти ощущения, несмотря на огромность силы, по сути, не были новыми для меня, ибо я уже несколько лет занимался онанизмом. Чудо оргазма я про себя называл «ебенья», не будучи тогда знакомым с научной терминологией, но чувствуя необходимость дать ему название. Играя во дворе с ребятами, я нередко ощущал непреодолимую похоть и прерывал игру – я убежал в парадное, сбегал по пролёту лестницы, ведущей в подвал, куда никто в темноту не спускался, кроме дворника, вытаскивал свой хуёк и давал ему жару, а он – мне.

Некоторое время назад он стал выплёскивать семя, что меня поначалу удивило, а потом стало удручать неудобством его куда-то девать, чтобы не было мокро в трусах. Однажды я даже попытался, ожидая выплеска, зажать пальцем дырочку, не пуская семя наружу, но острая боль от распирающего канал семени заставила меня палец поскорее убрать и выпустить жидкость на свободу. Я попробовал её на вкус, лизнув палец, но вкусной она мне не показалась. И вот теперь в те божественные мгновения, когда Лилия вершила со мной чудеса, озабоченная мысль пронеслась среди наслаждения: как бы Лилия не отпрянула от меня в отвращении, когда выплеснется семя. Оно не заставило себя долго ждать и зафонтанировало в Лилин рот, который только ещё более жадно стал его засасывать. Двойное облегчение окатило меня.

Лиля поднялась с колен, облизывая губы и проверяя рукой лицо, не осталось ли что снаружи.

– Пошли отсюда скорее, – шепнула она и вышла из раздевалки. Я, всё ещё приходя в себя, с восторженной лёгкостью в теле выбежал за ней. Коридор был пуст, только в другом конце его, за дверью бывшего туалета, раздавались звуки пианино.

Мы вышли на улицу.

– Застегни ширинку, Славик, – указала глазами Лилия.

Я поспешно отошёл к углу дома и дрожащими пальцами застегнул пуговицы.

– Вот ты и стал мужчиной, – сказала Лилия и добавила: – Почти.

Она по-доброму засмеялась.

Мы шли к трамвайной остановке. Я чувствовал, что должен что-то сказать, но не знал, что в такой ситуации следует говорить, а точнее, после такой ситуации.

– Можно я тебе позвоню? – спросил я Лилию.

– Славик, я ведь замужем. Да и тебе нужно школу кончать.

Я никак не мог уловить логической связи между этими двумя предложениями.

Тут подошёл трамвай, и Лилия сказала:

– Мы с тобой обязательно увидимся когда-нибудь, будь хорошим мальчиком, – и побежала к трамваю.

Но мы с ней больше не увиделись, и хорошим мальчиком я быть перестал, так как девочки заинтересовали меня значительно больше музыки. Впрочем, это, наверно, и значит – быть хорошим мальчиком.

Закончив седьмой класс, я ушёл из этой школы, и мои занятия музыкой прекратились. Приблизительно раз в год я случайно встречался на улице с Риммой Львовной, и мы минутами разговаривали об идущей жизни. Она рассказывала о музыкальных успехах своего сына, ставшего известным музыкантом. А я всегда успевал спросить, как поживает Лилия. Оказывается, она не забывала свою учительницу музыки и часто приходила к ней повидаться. У Лили родился мальчик, потом девочка. Римма Львовна каждый раз интересовалась, продолжаю ли я играть на пианино. И я действительно старался не забывать своих музыкальных навыков, а «Вальс» Хренникова никогда не выходил из моего репертуара.

Потом наступили долгие годы, когда я перестал встречать на улице Римму Львовну. Пришла пора эмиграции. Ходили слухи, что сын Риммы Львовны уже в Америке. Вскоре и я очутился на её благодатной земле. Первые пять лет новой жизни были плотно нашпигованы острыми впечатлениями и яркими событиями, однако я находил время ездить раз в месяц в университетскую библиотеку, где был большой фонд русских книг и периодики.

Однажды я сидел в журнальном зале, просматривая новые поступления, и вдруг мой взгляд остановился на узле волос на затылке женщины, сидевшей впереди меня. Этот низко уложенный узел, проткнутый шпильками, показался мне исключительно знакомым. Прямая спина тоже напоминала мне кого-то из детства. Я вышел из-за стола, зашёл сбоку и увидел гладкие волосы, укрывающие уши, и лицо, отчётливо знакомое.

– Римма Львовна! – воскликнул я.

Она обернулась, узнала меня и тоже воскликнула: «Славик, голубчик!» – и встала мне навстречу. Мы обнялись. Вокруг читатели оглядывались на нас.

– Давайте выйдем, – сказал я, понизив голос.

Она кивнула, светясь улыбкой, и мы вышли в холл.

– Какими судьбами! Как вы здесь оказались?..

Сколько вопросов мы обрушили друг на друга, сколько радости было увидеться с близким человеком на другом краю земли после двадцати лет разлуки. Да ещё осмыслить эту божественную случайность: оказаться обоим в том же городе, в той же библиотеке, в то же время. Римма Львовна мало изменилась, такая же стройная, высокая, с той же неизменной причёс-

кой, но поседевшей. Она приехала год назад к своему сыну, который, оказывается, тоже жил в нашем городе и преподавал музыку в университете. Она жила одна в двухкомнатной квартире неподалеку и приходила в библиотеку почти каждый день. Римма Львовна пригласила меня к себе. Квартира была на пятнадцатом этаже, из окна компактной гостиной открывался вид на сияющий даунтаун. В углу светился и бормотал телевизор.

– Я его только на ночь выключаю – пытаюсь научиться понимать разговорную речь, – пояснила Римма Львовна.

В комнате стояло пианино, а на нём лежала стопка нот. Над пианино висел портрет Моцарта, именно тот, что висел в классе-уборной. «Могучую кучку» взять с собой не удалось, как мне потом пояснила моя учительница. Пока Римма Львовна готовила чай, я стал перебирать ноты и наткнулся на «Вальс» Хренникова.

– Смотрите, что я нашёл! – радостно бросился я с нотами на кухню.

– Да, я помню, как тебе нравился этот вальс, – сказала Римма Львовна, взглянув на мою находку, – а ты играешь?

– Нет, давно уже не играл, – здесь у меня нет пианино.

– И очень плохо, – назидательно по-учительски сказала Римма Львовна.

Я сел за пианино, в надежде сыграть вальс, но пальцы у меня заплетались, и я уже забыл всё, кроме первых нескольких тактов. Удручённый, я встал со стула, а Римма Львовна села и сыграла мой вальс. И я вспомнил прошлое и Лилию в нём. Римма Львовна не виделась с Лилей последние годы перед отъездом и ничего не знала о ней.

Я взял у Риммы Львовны ноты и скопировал их, теперь уже не через кальку, а на ксероксе. Я надеялся, что скоро куплю пианино, восстановлю былую подвижность пальцев и заново разучу вальс.

С тех пор мы встречались и перезванивались в течение двух лет, вспоминали прошлое, обсуждали настоящее. О будущем мы не говорили – Римма Львовна считала, что времени осталось ей немного, но тем не менее с лёгким кокетством жаловалась, что к ней привязывались какие-то мужчины, когда она шла в библиотеку – её вполне можно было принять за молодую женщину, глядя со спины на её стройную фигуру и лёгкую походку.

Однажды под Новый год я позвонил Римме Львовне, чтобы поздравить её, но ответчик сказал, что номер отключён. Я решил позвонить её сыну, номер телефона которого мне дали в справочном. Он узнал меня (его мама рассказывала ему о нашей встрече) и сообщил жутким голосом, что он похоронил Римму Львовну три дня назад. Я что-то ошарашенно пролепетал и повесил трубку, чтобы как-то осознать такое естественное, но в то же время невероятное событие. О, ужас!

В течение нескольких дней я старался уложить не вмещающееся в сознание. А память, в помощь неверию в случившееся, поставляла ясные зрительные образы прошлого, далёкого и недавнего. Мне захотелось получить на память какую-нибудь фотографию Риммы Львовны, чтобы взглядывать на неё время от времени.

Я снова позвонил её сыну и более связно выразил свои соболезнования. Он рассказал подробности о последних днях матери, извинился, что не пригласил меня на похороны – он никого не пригласил, боялся при всех разреветься. Но и приглашать-то было особенно некого: родственников у нее, кроме сына, не осталось, а немногочисленных знакомых, среди которых значился и я, приглашать показалось необязательным. Я попросил сына о фотографии на память и дал ему свой адрес. Он сказал, что фотографий мало, да и то только старые, но обещал отобрать и выслать.

Недели через две, вернувшись домой с работы, я вытащил из почтового ящика пачку писем, газет и рекламы. Открывая дверь, я на ходу просматривал конверты и нашёл среди них один от сына Риммы Львовны. Когда я открыл дверь, навстречу мне, с объятиями бросилась

моя возлюбленная Вики, которой я дал ключи от дома, и она часто сюрпризом поджидала меня. Вики была в халатике, готовая к любви.

– Как я тебя хочу, – шептала она мне в ухо, совлекая с меня пальто, а затем пиджак. Я поцеловал её в шею, держа в руках письмо:

– Подожди секундочку, я хочу открыть этот конверт.

– Ты открывай, а я пока тебе пососу.

Вики опустилась передо мной на колени.

Я разорвал конверт.

Вики расстегнула молнию на моих брюках и привычно вытащила наружу источник её жажды.

Я вытащил из конверта фотографию.

Вики стала добывать влагу из моего артезианского колодца.

На чёрно-белой фотографии Римма Львовна склонилась над играющей Лилей в тёмном платье и белом передничке. Римма Львовна указывала пальцем в ноты, стоящие на пюпитре.

«Ебенья!» – назвал я про себя охватывающий меня восторг.

Напрасные дары

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 29.

Гостевая виза Юрия скоро истекала, и по закону следовало возвращаться. Юрий подал прошение на политическое убежище, но Джуди об этом не сказал. В качестве последнего выхода он готов был на ней жениться. Джуди работала секретаршей, жила в крохотной квартирке, еле сводя концы с концами, а Юрию хотелось богатенькой. А вот Джуди мечтала выйти замуж за Юрия – он ей нравился своей выносливостью в любовных делах, и она с радостью за ним ухаживала, стирала его бельё и, что самое главное, учила его английскому и обычаям жизни в Штатах. Юре нравилась её заботливость, и были моменты, когда женитьба на Джуди не казалась ему чем-то ужасным. Но эти моменты, как им и свойственно, долго не длились. Юрий для себя решил одно: возвращаться он не будет ни за что.

Любимым развлечением для Юрия и Джуди были гуляния в парках, вокруг озёр, пикники на природе. Джуди аккуратно приготавливала ланч, укладывала еду в пластиковые коробочки и клала их в переносную холодильник. Но она категорически отказывалась брать с собой хотя бы пиво, не говоря уже о вине или о чём покрепче.

– Это запрещено законом, – настаивала Джуди, что звучало для Юрия абракадаброй, хотя эту английскую фразу он хорошо уже понимал. По дорожкам часто проходила парковая полиция, и Юрий не хотел в своём неустойчивом положении гостя нарываться на неприятности. Он шурился на солнце, яркий свет которого он с трудом переносил после жизни в городе, над которым почти всегда было либо облачное, либо дымное небо.

Джуди припасала пиво дома в холодильнике и заботливо наливала его в запотевшую пивную кружку, которую предусмотрительно держала в морозилке.

Юрий и Джуди познакомились на вечеринке, устроенной американским знакомым Юрия, по приглашению которого он приехал. Джуди, как увидела Юрия, сразу захотела его, а Юрий в то время хотел любую. Они встретились на следующий день, Джуди повезла его смотреть достопримечательности города, главной из которых в тот вечер оказалась сама Джуди. Через неделю она перевезла Юрия с его чемоданом к себе на квартиру.

Близилась годовщина со дня их знакомства, которую Джуди тревожно и радостно поджидала. Ей очень хотелось выйти замуж ещё до знакомства с Юрием, но после знакомства с ним это желание стало обуревать её с огромной силой. Она старалась как можно более дипломатично выяснить о намерениях Юрия, и при складывающихся обстоятельствах у неё создавалось впечатление, что намерения эти – серьёзные. Юрий чувствовал, что происходит проба пера, которым Джуди хотелось бы расписаться в американском загсе, и он не хотел лишать её надежды.

Юрий совершенно забыл о надвигающемся юбилее, вернее, не придавал ему никакого значения, но накануне Джуди невзначай напомнила о нём. Юрий стал копаться в своём чемодане, думая, что бы ей подарить. Все привезённые сувениры он уже давно раздарил, а что мог – продал. Денег тратить на неё он не хотел – не так уж и много их оставалось. Но в боковом кармашке чемодана он нашёл колечко, которое купил перед отъездом на родном базаре. Юрий совершенно забыл о колечке, но вот оно пригодились теперь как нельзя кстати. Оно было позолоченное со стекляшкой, сверкающей на солнце.

Джуди постаралась справить юбилей как можно торжественней. Она приготовила обильный обед, поставила на стол свечи, купила шампанское и стеклянную фляжку смирновской водки, так полюбившейся Юрию. Бутылку она решила не покупать, чтобы вечер не был испорчен излишним количеством горячительного напитка. В начале вечера Джуди вручила Юрию открытку, которую она попросила его прочесть вслух и перевести. Текст полнился изъяснени-

ями Любви и намёками на долгую счастливую совместную жизнь. После этого она вручила Юрию коробочку, тщательно завернутую в красную бумагу. Юрий взялся было её распаковать, но решил, что сначала нужно дать Джуди колечко. Коробочки для него не было, и он просто вытащил колечко из кармана, потёр стекляшкой о свою рубашку и вручил его Джуди. Она подпрыгнула от радости, примерила кольцо на соответствующий палец, и оно ей точно подошло. Юрий, стесняясь дешёвости своего подарка, сказал, что это его последний сувенир, но из-за несовершенства его английского получилось, что это последняя его ценная вещь. Джуди бросилась его обнимать и целовать, в полной уверенности, что это обручальное кольцо. Юрию же было невдомёк, что он ввёл в заблуждение Джуди, и он недоумевал, чего это она так радуется ерундовому колечку – небось старается вежливо показать, что ей и дешёвый подарок от него ценен. Так думал Юрий, распаковывая подаренную коробочку. В ней лежали очки от солнца. Юрий примерил их – они показались ему слишком тяжёлыми и тёмными, но он и виду не подал, что они ему не понравились.

Остаток вечера прошёл в особо приподнятом настроении – Джуди каждые две минуты вытягивала руку, на которой блестело кольцо, и любовалась им. Потом подбегала к Юрию и целовала его. Затем просила его ещё раз примерить очки и подводила его к зеркалу, чтобы он удостоверился, как они ему идут.

Через два дня Юрий получил извещение, что ему дали статус беженца.

А ещё через месяц Юрий нашёл хорошую работу, снял квартиру и завёл себе новую girlfriend¹.

Когда та увидела на Юрии очки, подаренные Джуди, она восхитилась ими и сказала, что такие очки стоят не меньше трёхсот долларов.

Откуда было знать Юрию, что Джуди два месяца экономила деньги, чтобы купить ему лучшие очки знаменитой фирмы.

Чтобы покончить с прошлым и поправить свой бюджет, Джуди решила продать кольцо. Она поехала к ювелиру, который, посмотрев на камень, казавшийся ей бриллиантом, сказал, что оно может стоить от силы десять долларов. Она взяла эти деньги, полагая, что это лучше, чем носить такое дешёвое кольцо. Откуда было знать Джуди, что в то время за десять долларов она смогла бы купить в России настоящее золотое кольцо с хорошим бриллиантом.

Однако ювелир внимательно изучил глазами не только кольцо, но и Джуди. Он поинтересовался, где изготовлено это ювелирное изделие. Джуди ответила, что в России, но не стала рассказывать об обстоятельствах, при которых она его получила.

Завязался разговор, который продолжился совместным обедом в ресторане. Время, проведённое вместе, произвело на обоих такое сильное впечатление, что они стали любовниками, а через полгода мужем и женой.

На помолвку жених подарил ей два кольца: одно, обручальное, чтобы носить всегда, не снимая. А второе – на память, кольцо Юрия, которое стало причиной их знакомства.

Когда Юрий узнал, что подаренные очки такие дорогие, он воспылал к ним любовью и надевал их всякий раз, когда погода становилась по меньшей мере с переменной облачностью, а в солнечную погоду он носил их просто не снимая. Но когда он рассорился со своей возлюбленной и та выехала из его квартиры, очки с роскошным футляром исчезли. Бывшая возлюбленная настаивала, что их не брала, а что Юрий их сам потерял.

Юрий погоревал и купил себе другие очки от солнца. Большие деньги тратить на них ему было жалко, и он купил пластмассовые за десять долларов.

¹ подружку (англ.), часто в смысле «любовница».

Вытекающие последствия

*Нам ли, брошенным в пространстве,
Обречённым умереть,
О прекрасном постоянстве
И о верности жалеть?*
О. Мандельштам. 1915

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2001. № 34.

Виктор был женат со всеми вытекающими оттуда последствиями. Главным из них было развившееся за пятнадцать лет брака полное безразличие к жене как к женщине. Тем не менее он её нежно любил и глубоко уважал. И двоих сыновей обожал и заботился о семье изо всех сил. Да и жена была добра и хороша собой – мужчины сворачивали шеи, оборачиваясь. Хорошая семья была, образцовая.

Лет десять жизни Виктора заняло, чтобы осознать и принять, что нет никакого противоречия в сосуществовании, казалось бы, взаимоисключающих вещей: красоты жены и безразличия к ней, а также желания других женщин и в то же время – любви к своей жене.

Почти столько же времени ему потребовалось для того, чтобы убедиться, что посещение проституток или мимолётные связи вовсе не угрожают браку, а лишь укрепляют его, ибо, не будь их, Виктор бы давно полез на стену от отсутствия свежих ощущений и, неизбежно свалившись со стены, раздавил бы брак всмятку. И вовсе не потому, что у Виктора был большой вес, а потому, что брак – существо хрупкое.

После долгого пути проб и ошибок в деле оптимизации своих сексуальных радостей вне брака Виктор нашёл-таки идеальную схему. Виктор был человеком небогатым, и, как обычно, это усложняло достижение целей, особенно женских. Так, он не мог себе позволить покупать проститутку достаточно часто и достаточно надолго. Для полного удовлетворения ему нужно было хотя бы три раза в неделю по два часа, а денег у него еле-еле хватало на полчаса раз в месяц. Виктор был ответственным семьянином и не хотел подвергать страданиям семейный бюджет. Кроме того, все проститутки настаивали на презервативах, а это удручало Виктора принципиально, хотя он и признавал необходимость этого приспособления при общении с женщинами-профессионалками.

Однако заниматься поиском любительниц и их соблазнением у него абсолютно не было времени. К тому же он не был ни знаменитым, ни красавцем, ни чем-либо ещё в свои 45, чтобы женщины сами бросались на него и тем самым экономили его время. Заводить какую-либо постоянную любовницу он тоже не хотел, так как долгое общение с одной и той же женщиной тоже быстро бы лишилось свежести ощущений да и представляло бы угрозу возникновения чувств, выходящих за пределы сексуальных, а все прочие чувства были полностью предназначены Виктором для семьи.

Вот такую сложную задачу приходилось решать Виктору.

В процессе её непростого разрешения он часто повторял про себя фразу из песни: «Money for nothing, chicks for free»². «Вот она чёткая формулировка универсальной мечты мужчин, большинство из которых даже не осознаёт её», – размышлял Виктор.

Так как он не был жаден и о больших деньгах не грезил, а лишь хотел не тратить своей зарплаты на женщин, то такая мечта вполне могла стать реальностью.

Виктор работал в компьютерной фирме, и весь его рабочий день проходил перед монитором. Начальство за ним не следило, и он мог путешествовать по Интернету без ограничений.

² «Деньги ни за что и бесплатные девицы» (англ.) – песня британской группы *Dire Straits* 1985 года.

Это не значило, что он пренебрегал своей работой, просто он успевал всё. Часто ему приходилось ездить в местные командировки для настройки оборудования у заказчиков. Таким образом, он легко мог выкроить пару часов в середине дня для удовлетворения своей похоти.

Сначала Виктор поместил объявление в Интернете о поиске любовницы и сам отвечал на объявления женщин. Из всего этого с трудом отсеклось несколько встреч в гостиницах. Это было прекрасно, но нерегулярно и дорого. Женщины явно не влюблялись в него, а потому повторные встречи возникали редко и приходилось заново уговаривать, находить удобное для обоих время. Ситуация знакомства из раза в раз оставалась прежней, и поэтому для экономии времени он заготовил стандартные ответы и предложения, так как мог уже предвидеть большинство вопросов женщин и почти все их ответы.

Значительная часть женщин была не замужем и мечтала о стабильных отношениях, такие не хотели встречаться с женатым мужчиной. Им он лгал, что разведён, и вообще говорил всё, что им хотелось, лишь бы они согласились на встречу и хотя бы разок развели ноги.

Другая категория женщин была замужней, и потому они часто предпочитали женатых мужчин, с которыми они чувствовали себя безопаснее и надёжнее, но и среди них находились такие, которые планировали развод и присматривали себе нового мужа.

Если Виктор предлагал женщинам оплатить номер гостиницы хотя бы пополам, женщины, как правило, оскорблялись. Те же, что соглашались, потом уже не хотели встречаться повторно. Бывали, конечно, исключения, которыми Виктор и жил. Но ему хотелось не исключений, а правила – надёжности и регулярности удовлетворения похоти.

Бывало, женщины приглашали его к себе домой. Но либо жили они далеко, и те часы, которыми располагал Виктор для свидания, ушли бы на поездку, либо Виктор опасался приходить к малознакомым женщинам: придёшь – и в самый интересный момент явится муж или любовник. Нет, самым безопасным и нейтральным местом был отель в пяти минутах от его работы.

Однажды верноподданно женатый приятель Виктора, выпив не лишнего, а ровно столько, чтобы стать откровенным, признался ему, что мечтает завести любовницу или хотя бы как-то сексуально развеяться. И в этот момент у Виктора возникла идея, грандиозность которой проявилась значительно позже. У Виктора было запланировано свидание с женщиной. С ней он уже встречался один раз, и, несмотря на то, что два часа были проведены весьма интенсивно, у них хватило времени коснуться в разговоре заманчивых мечтаний. Эта женщина поведала, что всегда мечтала провести время с двумя мужчинами одновременно. Виктор подумал, что может убить двух зайцев: осуществить мечту женщины, что весьма возвышенно, и в то же время практически получить оплату за номер в мотеле от своего приятеля, в качестве компенсации за предоставленное удовольствие.

Приятель радостно согласился присоединиться и оплатить расходы на мотель. Женщина была счастлива. Виктору, несмотря на соучастника, вполне её хватило – ведь, чем больше женщину используют, тем больше её остаётся для других. Приятель тоже был в восторге от приключения, а Виктор получил бесплатную женщину. Редкий случай всеобщего счастья.

Но, как и всякое счастье, это тоже кончилось, и Виктор задумал сделать его более продолжительным и регулярным.

Он подал объявление, где предлагал женщинам исполнить их тайное желание, а именно: провести время с двумя мужчинами одновременно. Виктор и не представлял, что количество женщин, чью чувствительную струну он затронет, будет таким огромным. Ответы стали заполнять его почтовый ящик. Конечно, не все женщины, которые ответили, были готовы сразу встретиться. Приходилось убеждать их в безопасности и конфиденциальности, но бывали и мгновенные согласия. Виктор и здесь заготовил стандартные ответы, в которых звучал надёжный, уверенный в себе и опытный мужчина. Чтобы унять страхи, он предлагал женщинам встретиться сначала с ним вдвоём, чтобы потом, когда они убедятся, что он точно такой, как

он о себе говорил, тогда его партнёр присоединится к ним. Часто такое предложение было последней каплей, переполняющей жидкую женщину.

Своего приятеля Виктор решил не использовать для этого дела. Во-первых, тот не смог бы всегда участвовать, когда требовалось, поскольку не располагал ни достаточным временем, ни, что самое важное, желанием. Во-вторых, Виктор не хотел брать себе в команду мужчин, которые были его знакомыми. Это должны были быть мужчины, с которыми он встречался бы только для соучастия в наслаждении, чтобы никто не знал, кто он и откуда.

Виктор подал ещё одно объявление, что ищет женатого мужчину, который бы согласился принять участие в тройном соитии. Тут почтовый ящик Виктора стал заполняться желающими с такой скоростью, что ему через два дня пришлось объявление убрать.

Следующей задачей был выбор мужчин, нужно было отфильтровать привлекательных, надёжных и послушных его указаниям. Прежде всего он просматривал присланные фотографии, а тех, кто не хотел их присылать, он отсеивал как слишком своенравных. Потом он про-сил их номер телефона, свой номер он никому не давал. Поговорив по телефону, он назначал встречу в каком-нибудь ресторане минут на десять. Для этого он использовал свой ланч и назначал обыкновенно несколько встреч одну за другой. Он садился с очередным мужчиной в его машину и рассказывал о ситуации: цель – доставить удовольствие женщине и заодно получить самому. Нужно быть готовым к тому, что женщины необязательно красивы лицом или прекрасны фигурой, но все они искренне и самозабвенно рвутся к наслаждению. Мужчине разрешалось делать с женщиной всё, на что она согласна, но запрещалось пытаться назначать с ней свидание. Виктор не желал упускать контроль над ситуацией и следил, чтобы женщины получали наслаждение только через него. Кроме того, он договаривался, что мужчина после часа совокуплений уйдёт по команде Виктора и Виктор останется с женщиной наедине.

Мужчины часто любопытствовали, где Виктор достаёт женщин, но Виктор отвечал уклончиво. В конце разговора возбуждённый и предвкушающий мужчина спрашивал: «Когда?» В этот момент Виктор добавлял ещё одно условие: мужчина, в качестве компенсации за предоставленную женщину, должен оплатить стоимость комнаты в мотеле. Большинство соглашалось сразу или чуть подумав. Виктор подталкивал их к согласию следующим аргументом: если вы предложите женщину мне, то я с удовольствием оплачу мотель в благодарность за приключение.

Тех мужчин, что жмотничали, Виктор исключал из списка кандидатов.

Женатые мужчины в принципе представляли из себя наиболее осторожную и податливую на все условия категорию.

Свидания втроём проходили гладко. Виктор и счастливец-соучастник встречались на стоянке мотеля. Там они поджидали женщину. Виктор заранее бронировал комнату и брал ключ, но в комнату не входил, чтобы можно было от неё отказаться, если женщина по той или иной причине не являлась, заранее не предупредив. Но обыкновенно они приезжали, трепещущие и напряжённые в предвосхищении. Тогда Виктор брал деньги у своего партнёра и говорил ему номер комнаты, в которую он должен явиться минут через десять. Сначала он шёл с женщиной в комнату один. Он её быстро раздевал и на вопрос, где же его партнёр, отвечал, что тот появится, когда она будет готова. Виктор включал телевизор, чтобы заглушать непре-менные стоны женщины. Затем он быстро опробовал её тело на вкус, она – его, и тут появлялся у дверей его партнёр. Тот, видя уже раздетых, быстро к ним присоединялся, и начиналось счастье. Время проносилось во мгновение ока – так, во всяком случае, казалось каждый раз. Затем Виктор подавал знак партнёру, тот одевался и уходил вполне удовлетворённый, а Виктор проводил ещё с полчаса с женщиной, лаская её, ошеломлённую, но счастливую и готовую повторить всё сначала и не раз.

Таких женщин вскоре набралось пяток, которые, уже доверяя Виктору, жаждали повто-рения и смакования великих ощущений.

Для того чтобы единолично управлять ситуацией и являться единственным источником, поставляющим для женщины второго мужчину, а для мужчины – женщину, Виктор решил не использовать одного и того же мужчину дважды для одной и той же женщины. Когда он ещё не придерживался этого правила и вторично взял того же мужчину, женщина вручила тому свою визитную карточку и Виктор не успел этого предотвратить. Больше женщина не проявляла интереса к Виктору, и он узнал, что у неё и у того мужчины завязалась любовь, что вывело обоих из круга подчинённых Виктора.

На первой же встрече женщина и мужчина бывали настолько увлечены новизной друг друга, что им было не до разговоров, а если они всё-таки начинались после первых оргазмов, Виктор давал мужчине знак уходить.

Так Виктор набрал человек двадцать партнёров, которых он чередовал с пятью женщинами. Но ни двадцать, ни пять не оставались теми же – конечно же происходил круговорот тел в природе.

Мечта Виктора как будто исполнилась – он наслаждался разными женщинами бесплатно. Однако ситуация была ещё далеко до идеальной – время, которое уходило на знакомство с женщинами, переписку, организацию встречи, подбор партнёров, время это было немалым. А время по-прежнему приравнялось к денежным знакам, и, значит, совокупления с женщинами были всё-таки платными.

Наблюдая, с какой готовностью мужчины оплачивают комнату в мотеле и как ненасытно желание у женщины, допустившей до себя второго мужчину, Виктор увидел, что есть возможность не только получать бесплатное наслаждение, но и некоторый доход.

После того как партнёр, насладившись женщиной, уходил и Виктор оставался с ней наедине, он не раз спрашивал, двигаясь в ней и нежно смотря в глаза, хотела бы она в этот момент ещё одного мужчину в её два другие осиротевшие отверстия. На что женщина, не колеблясь, давала утвердительный ответ.

У Виктора созрел план: он в следующий раз пригласит двух мужчин, но последовательно и с каждого возьмёт цену комнаты в мотеле. Таким образом, первый мужчина оплачивает мотель, а плата второго будет являться уже чистым доходом.

Женщины ничего не знали о денежных взаимоотношениях Виктора и его приятелей и просто радостно отдавались мужчинам.

Виктор назначил двух мужчин следующим образом: первый должен был явиться в мотель в два часа дня, а второй – в три пятнадцать. Одного часа вполне хватало женатому занятому мужчине, чтобы насладиться тайной новизной. Пятнадцать минут были условием разрозненности мужчин: первый уходил из номера так, чтобы он не был замечен вторым мужчиной. Когда приходил второй, он видел Виктора с женщиной в постели и принимал следы от первого мужчины за Викторовы. Таким образом женщина становилась на одного мужчину счастливее, а Виктор – на стоимость номера богаче.

Такое новое благосостояние в совокупности с наслаждениями длилось около месяца. Виктор менял мотели, чтобы не примелькаться обслуживающему персоналу и чтобы они не заметили его системы, которая могла бы вызвать ненужное внимание и нездоровый интерес.

Теперь Виктор был полностью удовлетворён сексуально – цвело разнообразие женщин и фонтанировал изощрённый секс не только участника, но и наблюдателя.

Сексуальная сытость освобождала мысли Виктора для другого – он стал раздумывать, как сделать побольше денег, причём столько, чтобы можно было бросить работу. Табуны жаждущих женатых мужчин заполняли своим желанием почтовый ящик Виктора. Женщины, мечтающие вкусить удвоенный запретный плод, предлагали себя с такой готовностью, которой Виктор никогда не замечал по отношению к себе лично. Нужно было как-то пользоваться этим золотым дном, не преступая закона. Брать деньги за женщин было юридически недопустимо, поэтому всё сводилось к многократной оплате мужчинами номера в мотеле.

Сделать это можно было за счёт ещё большей оптимизации использования комнаты, которая сдавалась на сутки, а также с помощью тщательной организации потока страстей.

Система выстроилась таким манером – поначалу всё шло как прежде: Виктор, его первый партнёр и женщина. Партнёр отрабатывает свои желания за час, уходит, заплатив за номер. Затем является второй партнёр, который уже начинает приносить доход. Если женщина хочет ещё одного и может остаться на третий час, приходит третий – это уже двойной доход.

Первая женщина когда-то уходит, и на её место приглашается следующая, причём каждый мужчина не должен даже подозревать, что перед ними был кто-то другой и что за ним последуют другие.

Итак, является вторая женщина, с ней Виктор и очередной мужчина, а за ним приходит следующий. Итого, можно запланировать шесть мужечасов с двумя или тремя женщинами в день. Из шести часов пять – это «доходные» часы. Если умножить на пять дней в неделю (все вечера и выходные Виктор всегда проводил с семьёй), то получалась сумма, значительно превышающая его зарплату.

Виктор уже был уверен, что дело пойдёт, и бросил работу. Жене он сказал, что решил стать независимым консультантом, вместо того чтобы гнуть спину, делая деньги для владельца компании. Жена восприняла это радостно – это давало ей возможность ещё больше посвятить себя работе в церкви, чему она отдавала всё время, свободное от воспитания детей.

Дело закипело. Виктор сидел у себя в кабинете, планировал и организовывал свидания. Мужчин у него набралось в итоге человек сорок постоянных, надёжных и всегда готовых. Трудности, как известно, были только с женщинами – существами, ускользающими по своей влажной сути. Многие из них были замужние и, вполне понятно, осторожничали. Другие осмеливались на один раз, а потом исчезали. У третьих, после договорённости, что-то случалось, от спущенной шины до болезни ребёнка и потом их желание куда-то пропадало. Других после полученного наслаждения начинала мучить совесть, и они избегали его повторять. То они вдруг в кого-то влюблялись и решали, что будут жить моногамной жизнью, то, откуда ни возмись, их захватывала карьера или забота о детях – Виктор больше не обращал внимания на причины их постепенного отсеивания и привлекал новых, делая множественные вариации своего объявления и помещая их в различных изданиях такого рода.

Он понял, что главная задача установления стабильности – это свести на нет текучесть женских кадров и образовать ядро из хотя бы 20 женщин, которые предпочитали бы наслаждения всему прочему. Однако одним сексуальным наслаждениям с такой задачей было не справиться – уж слишком давило общество своими обязательствами и нравами.

И тут прошлое пришло на помощь настоящему. У Виктора был школьный приятель, который с юности приторговывал наркотиками. Теперь он работал аптекарем и нежно любил свою работу. Наркотики Виктора никогда не интересовали, но с приятелем они время от времени встречались, поскольку жили неподалеку друг от друга и любили повспоминать былые времена за кружкой пива. Однажды во время одной из таких встреч Виктор невзначай спросил, сможет ли тот достать наркотик, о котором он вычитал в Интернете. Это было снадобье, которое заставляло женщин забывать обо всём, кроме похоти. Друг-аптекарь подтвердил свои возможности и даже назвал цену, которая оказалась вполне приемлемой.

Виктор раздумывал, как это вещество надёжно и незаметно ввести женщине. Подмешивать в еду или питьё – самое рискованное, ибо в этом очень легко будет его заподозрить. Делать укол – вообще не подлежит рассмотрению. Виктор вспомнил, как в давние времена отравляли людей, вливая спящему яд в ухо. Однако женщины во время свиданий находились в крайней степени бодрствования, и этот приём тоже не годился.

Именно во время совокупления Виктору пришло решение этой проблемы – перемещая с места на место свой член в прямой кишке радостной женщины, Виктор вспомнил, как, будучи в Италии в командировке, он заболел. Местный врач лечил его лекарствами, которые изго-

товлялись не в форме таблеток, а в форме анальных свечей. Врач объяснил, что усвояемость лекарства, введённого в прямую кишку, быстрее и полнее, чем при принятии через рот. Вставить свечку и протолкнуть её членом можно было совершенно незаметно для женщины, находящейся спиной к Виктору и готовой к проникновению его члена или пальца.

Виктор проконсультировался с приятелем-фармацевтом, и тот подтвердил, что в виде свечей это снадобье будет действовать не хуже, если не лучше, чем при приёме через рот. Фармацевт не задавал лишних вопросов, зная по опыту, что в таких делах не следовало проявлять излишнего любопытства.

Технологию Виктор разработал такую: когда происходила встреча с женщиной, Виктор усаживал её на острие его партнёра – тогда внимание женщины полностью поглощалось получаемым наслаждением, и она легко принимала в анус член Виктора, которым он проталкивал вглубь свечку с наркотиком. Иногда он делал это пальцем. Женщина конечно же испытывала лишь восторг. Теперь она с радостью оставалась на третьего и четвёртого мужчину, восхищаясь наслаждением, которое она никогда в жизни не испытывала. Особый восторг, который она получала от введённой свечки, она относила исключительно за счёт совокупления с двумя мужчинами и Викторовой сноровки.

После ощущений от первой свечки женщина уже никогда не отказывалась от повторных свиданий, а лишь настойчиво стремилась испытать эти чувства опять и опять. Женщины были согласны брать целый день как выходной, чтобы посвятить его многочисленным любовникам – то, что и нужно было Виктору. Теперь он мог обходиться одной женщиной в день. Виктору не приходилось уговаривать женщину или гадать и волноваться, придёт она или не придёт – она приезжала раньше назначенного времени и нетерпеливо поджидала его.

Мужчины тоже не опаздывали, а лишь иногда норовили задержаться дольше положенного часа, но таких Виктор больше не приглашал.

Теперь процесс напоминал добротное конвейерное производство. Виктор и женщина шли в номер, он выходил за первым мужчиной в лобби, брал у него деньги за номер и вёл его в номер, где женщина уже ждала в предвкушении. Она знала, что наслаждение начинается после того, как Виктор введёт ей член в анус, и потому она сама садилась на мужчину и прогибалась, оттягивая рукой ягодицу. Женщина закрывала собой мужчину, так что ему тоже было не видно, как Виктор вводил ей в анус дозу, задвигал членом поглубже и действие начиналось. Через час первый мужчина уходил и появлялся следующий, жадный и готовый.

Таким образом, проходило шесть мужчин с маленьким перерывом на ланч. На обед женщина и Виктор успевали приезжать в лоно своих семей.

Участие Виктора в совокуплениях с каждым последующим мужчиной, естественно, уменьшалось – он следил, чтобы мужчина и женщина не разговаривали, а занимались плотный час любовью. Время от времени он углублялся в женщину, чтобы женщина чувствовала второго мужчину – начальную причину её появления здесь. Но свечка горела в ней, и черед мужчин её увлекала не меньше, чем их одновременность.

Для повышения доходов Виктор решил перенести встречи из мотеля в отель, где номера стоили значительно дороже. Для этого пришлось сменить мужчин на более состоятельных, а женщины оставались прежние и лишь были польщены улучшением обстановки наслаждения. Виктор дал объявления в дорогие журналы и привлёк обеспеченных женатых мужчин, которые не хотели встречаться с проститутками или иметь постоянные связи, но соблазнялись именно возможностью присоединиться к влюблённой парочке, как представлял себя и очередную женщину Виктор. Теперь те же шесть мужчин за день давали значительно больший доход.

Ядро из 20 постоянных женщин всё настойчивей просилось почаще устраивать блаженную цепную реакцию. Раз-два в месяц им уже не хватало. Те женщины, которые, как они признавались, пытались заменить Виктора и его приятелей другими мужчинами, сталкивались с полным разочарованием, и женщины ещё больше уверились, что именно Виктор умеет ввер-

гать их в то блаженство, которое они испытывали от наркотика. Виктор ухмылялся про себя и соглашался с комплиментами, подтверждая каждой, что многие женщины ценят его уникальные способности.

Жена Виктора была счастлива растущими денежными успехами своего мужа. Это позволило бросить работу и посвятить всё своё время детям и церкви, в которой она вела активную преподавательскую работу в школе по изучению Библии. Виктор, в отличие от жены, к Богу относился спокойно. Он был уверен, что если Бог существует, то он знает, что ему делать и суeta в виде молитв только отвлекает Бога от его важных дел.

Несмотря на то, что дело, которому посвятил себя Виктор, было его любимым делом, само наслаждение от ежедневного многократного свершения стало притупляться. Он стал учиться тантре, чтобы избегать семяизвержения и кончать не больше одного раза в день, несмотря на почти ежедневные шестичасовые развлечения. Это помогло. Но незначительно. Одновременно потребовалась виагра. Это означало дополнительные расходы, хотя одной таблетки ему хватало на два дня.

Следующим шагом для увеличения доходов стала плата за комнату, которую он начал взимать и с женщин. Они были готовы на всё, только бы участить наслаждения. Каждой просящей женщине Виктор говорил, что у него нет денег на оплату номера, и они сразу соглашались оплачивать сами. Виктор решил, что надо заработать миллион и свернуть производство. Так как деньги он получал наличными, то налога на них он, естественно, не платил, что значительно упрощало достижение его финансовой цели. Главное было не жадничать, и он это прекрасно понимал.

Виктор решил сделать рывок в производительности и быстро заработать задуманные деньги. Для этого он снял два смежных номера. В один приходила женщина, а вторая женщина с запозданием в полчаса приходила в другой. Таким образом Виктор успевал вставить запал первой и встретить первого мужчину. Затем он спешил в смежный номер, где он включал второй конвейер, протолкнув снадобье в глубину второй женщины. После этого женщинам уже становилось не важно, сколько времени с ними проводил Виктор, а он занимался выпроваживанием и встречей очередных мужчин. Далее он стал снимать уже три смежные комнаты, где наслаждались три женщины, а к ним поступали неиссякаемые голодные мужчины. Такая челночная работа почти не оставляла времени Виктору для отрадного совокупления, и голод его стал возвращаться.

Но самое главное, что женщины всё более зверели и требовали чуть ли не ежедневных встреч. Свою усиливающуюся тягу они объясняли для себя как безумную любовь к Виктору, который может возбуждать их так, как ни один другой мужчина. Виктор предусмотрительно никому не называл своей фамилии и никому не давал своего телефона. Единственная связь с ним была через электронную почту. Поэтому женщины не могли до него добраться никаким иным способом.

Рекорд, который поставил для себя Виктор, было шесть комнат: по три смежные, находящиеся в коридоре отеля друг против друга. Он договорился с администрацией отеля о значительной скидке, которую ему предоставили за ежедневный съём стольких номеров, а с мужчин и женщин он продолжал брать прежние цены. При такой шестикомнатной системе Виктор успевал запустить одна за другой шесть женщин, что было самым ответственным делом, требующим огромной концентрации внимания и организаторских способностей.

Каждой женщине полагалось приезжать на своё место, отведённое на стоянке машин перед отелем. Эти места были разнесены друг от друга так, чтобы женщины не видели одна другую. А для того, чтобы ни одна женщина не видела Виктора с другой женщиной, он заранее говорил каждой, в какой номер она должна прийти, и на её имя лежал ключ у портье. Женщины сами располагались в комнатах и ждали появления Виктора и его друга. Виктор входил в первую комнату с первым мужчиной и после кратких поцелуев-объятий вводил женщине

свечку и делал несколько возвратно-поступательных движений, загоняя её поглубже. Через минуту-две женщина была включена в процесс, и Виктор спешил к новому мужчине, чтобы отвести его к другой женщине, поджидавшей в соседней комнате. Там всё проходило так же эффективно. После того как все женщины были заправлены, становилось уже легче. Им уже присутствие Виктора было необязательно, и он только регулировал уход и приход мужчин, взывая с них мзду за номер в отеле.

К концу дня карманы его брюк топорщились от денег.

Таким образом, личная половая жизнь у Виктора совершенно прекратилась. Придя домой, возбуждённый денежными приключениями, он уже радостно совокуплялся с женой, к которой у него пробудилась страсть. Жена дивилась мужниной воспрянувшей похоти, которая ей льстила. У неё же вся страсть расходовалась на пастора в церкви, который был красив и зрел. Более того, один из её сыновей был от него, о чём Виктор, конечно, не подозревал. Жена, которую, кстати, звали Мэри, любила пастора потому, что видела в нём воплощение Христа. Так что её увлечённая работа в церкви имела весьма серьёзные основания. Уж такая была Мэри.

Встречалась она с пастором в каком-либо мотеле, который несколько раз оказывался тем же, где практиковал Виктор. Но так получалось, что они не наталкивались друг на друга, хотя один раз они даже проводили время в одной и той же комнате с разницей в два часа: утром в ней побывали Мэри с пастором, а после ланча – Виктор с женщиной и плательщиками. Недалом, когда он в тот день вошёл в номер, ему показалось, что он почувствовал запах жениных любимых духов, но вскоре запах женщины, что была с ним, затмил его. Будто два самолёта они пролетели в седьмых небесах в опасной близости, но счастливо избежали катастрофы.

Наступило время, когда Виктор заработал вожаденную сумму, и, согласно своему плану, он разом закрыл своё производство. Сделать это было весьма просто – он прекратил помещать объявления и уничтожил электронный адрес своего почтового ящика, на который приходили письма от жаждущих женщин и мужчин. Мужчины, удивляясь, несколько раз слали письма, но каждый раз они возвращались с пометкой, что такого адреса нет. После этого они принялись рыскать в других направлениях, пытаясь самостоятельно сварганить себе наслаждения.

А вот у тех двадцати женщин, которые перестали получать свою дозу анальной любви, возникли странные для них самих симптомы. Для врача-нарколога – это были бы легко узнаваемые классические симптомы у наркомана, резко прекратившего приём наркотиков. Но терапевты, мужья и родственники недоумевали по поводу депрессии или буйства своих близких женщин, а те сами не понимали, что с ними происходит. Женщины кое-как пытались объяснить своё состояние неразделённой любовью к Виктору. Они пытались его разыскать, но Виктор всегда парковался так, чтобы они не видели, на какой машине он приехал. Поэтому по номеру машины они его найти не могли. Фамилии его они не знали. В отелях им отказались давать какую бы то ни было информацию.

Одна женщина наняла детектива, который в конце концов нашёл Виктора и его адрес. Но к тому времени Виктор уже продал дом и уехал со всей семьёй во Флориду, тем более что жена стала настойчиво просить о переезде. Причина была в том, что, как стало известно, пастор совращал маленьких мальчиков, и его арестовали. Ужаснувшаяся Мэри восприняла это как указание настоящего Христа на то, что пора возвращаться к мужу и жить благопристойной жизнью.

Так Виктор и Мэри, пройдя трудные пути внебрачных наслаждений, зажили счастливо в солнечной Флориде.

И всё было настолько прекрасно, что Виктор вскоре купил небольшой мотель.

Посредница

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2001. № 39.

Теперь мы женаты, а начиналось это так. Она жила в квартире на нашем этаже. Встречаясь в лифте или коридоре, мы с Джерри здоровались с ней, улыбались ей. Она улыбалась нам в ответ и многообещающе выпячивала зад и грудь. Однажды, когда мы возвращались из колледжа и столкнулись с ней в коридоре, она пригласила нас на чашку кофе и мы, переглянувшись, торопливо согласились.

Это был наш первый год в колледже и первая квартира, где Джерри и я жили независимо от строгих родителей. Мы дружили с самого детства, жили рядом и часто драчились вместе, устраивая соревнования, кто быстрее кончит. Мне всегда хотелось подрочить ему, пока он дрочит мне, и, как я потом узнал, ему хотелось того же, но нас сковывал страх, что если мы возьмёмся за члены друг друга, то сразу станем гомосексуалистами. Потом, когда у нас появились женщины, мы перестали заниматься совместным онанизмом. И больше об этом вслух не упоминали.

Соседка наша попросила, чтобы её звали Honey³. Мы не возражали, имя её нас не интересовало. С женщинами тогда мы чувствовали себя уверенней, чем друг с другом, поскольку они без всяких сомнений брали нас за хуй и прятали их в себе.

– Вы что, братья? – спросила Honey.

Мы всегда на такой вопрос отвечали утвердительно, чтобы избежать последующих разговоров на тему: как же вы похожи друг на друга.

Honey была на вид лет тридцати пяти, с привлекательным лицом легкодоступной женщины. Нас это вполне устраивало. Кроме того, нам обоим нравились женщины постарше – они знали, чего хотели, и обладали опытом, до которого мы были жадны.

Honey оставила нас в гостиной и пошла готовить кофе. Мы пока смотрели порнографические журналы, лежавшие на кофейном столике. Среди них был один, где женщине в пизду засовывали руку, чуть ли не по локоть. Лица женщины видно не было.

Honey вышла с подносом, на котором стояли дымящиеся чашечки. Одета она была уже в полупрозрачный халат, сквозь который сиял Млечный Путь и другие галактики.

Кофе мы не допили.

– Мальчики, знаете, зачем я вас пригласила? – спросила она, скидывая халат и распахивая Вселенную.

– Догадываемся, – сказали мы хором, стягивая носки – последнюю мерзкую одежду.

Мы раньше не бывали вдвоём с одной женщиной. Несколько раз, когда у Джерри и у меня оказывалось по подруге, мы вместе общались и обменивались ими, а тут равноценного обмена не предвиделось, и мы не хотели отнимать женщину друг у друга, а потому не знали, кто с чего начнёт.

– Давайте сначала познакомимся, – предложила Honey.

Она встала на четвереньки и взяла мой хуй в рот, но тут же оторвалась и попросила Джерри:

– А ты еби меня.

Но он уже был там. Мы быстро кончили, не соревнуясь. И уселись на диван. Honey промокнула себе между ног полотенцем и спросила:

– А вы знаете, что такое клитор?

– Знаю, – сказал Джерри, а я предложил: – А ты нам покажи.

³ «Медовая» (англ.), часто в смысле «желанная».

– А полижете? – как бы поставила условие Honey.

– Конечно, – сказал Джерри, опускаясь перед ней на колени. Honey развела пальцами большие и малые губы, и ещё не удовлетворённый центр Вселенной вылизал свою красную головку. Джерри стал чуть отстранённо лизать, вытягивая язык и стараясь не прикасаться лицом к дремучим окрестностям. Honey закрыла глаза и издавала счастливые звуки. Потом Джерри надоело, он поманил меня рукой, и я его заменил. Я это дело любил и не только не отстранялся, но и крепко прижался лицом, и тут мне пришло в голову, что я лижу также остатки Джерриной спермы. Меня это ещё больше вдохновило. Джерри тем временем лизал ей сосок, и Honey вдруг выкрикнула:

– Oh shit!⁴

Резко прижала мою голову к себе и почти сразу отстранила её.

– Shit? – переспросил я.

– Это значит, я кончила, – пояснила Honey.

Нам уже захотелось снова. У Джерри и у меня телескопические хуи вытянулись рассматривать её чёрные дыры.

– Я в вас не ошиблась, ребята, – отреагировала на нашу готовность Honey. Я ещё не был у неё в пизде и быстро туда проник – там было так просторно, что я в недоумении посмотрел на женщину.

Джерри заметил моё удивление, причина которого ему уже была известна, и спросил Honey:

– Сколько у тебя было детей?

Honey высвободилась из-под меня и со значением глядела на нас. Потом потянулась к столику, взяла журнал, где женщине в пизду засовывали руку, и спросила:

– Рассмотрели картинки?

– Да, рассмотрели, женщина телом на тебя похожа, а лица нигде не видно.

– Это я. Я работаю моделью в этих: журналах, – сказала Honey.

– Вот это да! Мы с порнозвездой познакомились! – воскликнул Джерри.

– Теперь понятно, у тебя было не много детей, а много рук, – сообразил я.

– Молодцы! Хотите попробовать?

– Хочу, – сказал я.

Она вышла и принесла из ванной комнаты смазочное вещество, пахнущее мёдом, которым обмазала мою кисть.

– Сделай пальцы вот так. – И она показала вытянутую щепоть.

Затем Honey легла на ковёр и завела мою руку, давая указания:

– Вводи медленно, теперь подожди, теперь глубже, ещё. – И моя кисть оказалась у неё в нутре. Это было волшебное ощущение влажного тепла, жизни. Рука плотно обжималась вожделенной плотью, которую раньше мог отведать только мой хуй. Я пальцами взял в горсть шейку матки – твёрдый хоботок, выскальзывавший из пальцев.

– Нравится? – спросила Honey.

– Очень интересно, – ответил я. – А тебе?

– Никакому хую не сравниться. Теперь лижи клитор, – велела Honey.

Я склонился к своей руке и как бы стал её целовать – клитор и моё запястье были неопостижимо рядом. Я осторожно двигал рукой взад-вперёд, имитируя движения члена.

– Иди сюда, а ты руку не вынимай, – руководила она мною, – я хочу, чтобы никто не скучал. Ложись под меня, – скомандовала Honey Джерри, и тот радостно повиновался и пролез под неё. Теперь она лежала спиной на его груди.

– Я хочу, чтобы ты вошёл мне в зад.

⁴ О, дерьмо! (англ.) – восклицание, используемое в смысле «Чёрт возьми!».

Нопеу села на Джерри спиной к его лицу. Я волочился за ней в этих движениях, стараясь, чтобы рука не выскочила.

– Послюни хуй, – давала указания Нопеу. Джерри поплевал. Она, упираясь одной рукой в ковёр, направила другой рукой Джеррин хуй себе в анус, и уже чувствуя, что хуй на верном пути, двумя руками опёрлась на пол. Я почувствовал, как за тонкой стенкой плоти её прямая кишка наполняется твёрдостью Джерри, касаясь моих пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.